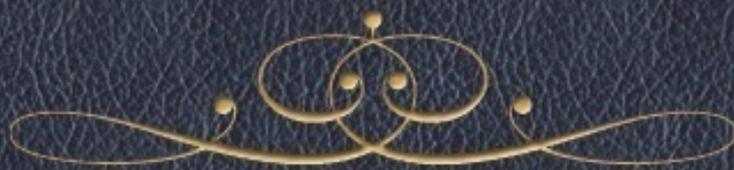

Купер Ф.

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:
Шпион, или Повесть
О НЕЙТРАЛЬНОЙ
ТЕРРИТОРИИ**

Джеймс Фенимор Купер. Собрание сочинений

Джеймс Фенимор Купер

**Шпион, или Повесть о
нейтральной территории**

«Алгоритм»

1821

ББК 84(7США)

Купер Д.

Шпион, или Повесть о нейтральной территории / Д. Купер — «Алгоритм», 1821 — (Джеймс Фенимор Купер. Собрание сочинений)

ISBN 978-5-486-02242-5

Джеймс Фенимор Купер (1789–1851) — американский писатель, чьи произведения еще при жизни автора завоевали огромную популярность как в США, так и в Европе. В его книгах рассказывается о героизме отважных покорителей Дикого Запада, осваивающих девственную природу Америки, о трагической судьбе коренных жителей континента — индейцах, гибнущих под натиском наступающей на них цивилизации. В данном томе представлен роман «Шпион». Созданный в 1821 г., он рассказывает об одном драматическом моменте Войны за независимость, которую вели американские колонии против Англии в 1776–1783 гг. Главный герой этой книги, Гарви Бёрч — мужественный самоотверженный человек, рискующий своей жизнью во имя высоких патриотических целей.

ББК 84(7США)

ISBN 978-5-486-02242-5

© Купер Д., 1821
© Алгоритм, 1821

Содержание

Глава I	5
Глава II	12
Глава III	18
Глава IV	25
Глава V	33
Глава VI	39
Глава VII	46
Глава VIII	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Джеймс Фенимор Купер

Шпион, или Повесть о нейтральной территории

Глава I

*Его лицо, спокойствие храня,
Скрывало жар души и тайный пыл.
И, чтоб не выдать этого огня,
Его холодный ум ни страже был, —
Так пламя Этны меркнет в свете дня*

Томас Кэмпбелл, “Гертруда из Вайоминга”¹

Однажды вечером на исходе 1780 года по одной из многочисленных небольших долин графства Вест-Честер ² ехал одинокий всадник. Пронизывающая сырость и нарастающая ярость восточного ветра, несомненно, предвещали бурю, которая, как здесь часто бывает, порой длится несколько дней. Но напрасно всадник зорким глазом всматривался в темноту, желая найти подходящее для себя убежище, где он мог бы укрыться от дождя, уже начавшего сливаться с густым вечерним туманом. Ему попадались только убогие домишки людей низкого звания, и, принимая во внимание непосредственную близость войск, он считал неразумным и даже опасным в каком-нибудь из них остановиться.

После того как англичане завладели островом Нью-Йорк, территория графства Вест-Честер стала ничьей землей, и до самого конца войны американского народа за независимость здесь действовали обе враждующие стороны. Значительное число жителей – то ли в силу родственных привязанностей, то ли из страха, – вопреки своим чувствам и симпатиям, придерживались нейтралитета. Южные города, как правило, подчинялись королевской власти, тогда как жители северных городов, находя опору в близости континентальных ³ войск, смело отстаивали свои революционные взгляды и право на самоуправление. Многие, однако, носили маску, которую еще не сбросили к этому времени; и не один человек сошел в могилу с позорным клеймом врага законных прав своих соотечественников, хотя втайне был полезным агентом вождей революции; с другой стороны, если бы открыть секретные шкапулки кой-кого из пламенных патриотов, можно было бы вытащить на свет божий королевские охранные грамоты ⁴, спрятанные под британскими золотыми монетами.

Заслышав стук копыт благородного коня, каждая фермерша, мимо жилища которой проезжал путник, боязливо приоткрывала дверь, чтобы взглянуть на незнакомца, и, возможно, обернувшись назад, сообщала результаты своих наблюдений мужу, стоявшему в глубине дома наготове к бегству в соседний лес, где он обычно прятался, если ему грозила опасность. Долина была расположена примерно в середине графства, довольно близко от обеих армий, поэтому

---

¹ Перевод стихотворных эпиграфов, за исключением особо оговоренных, выполнен М. Тарасовой.

² Графство Вест-Честер – одно из графств (областей), находившихся в штате Нью-Йорк: граничило с городом Нью Йорком, расположенным на острове Манхаттан.

³ Континентальные войска – войска национальной армии, сражавшейся за независимость Северной Америки.

⁴ Королевские охранные грамоты выдавались английским королем Георгом III (1760–1820) на право заниматься торговлей в приобретать земли в североамериканских колониях.

нередко случалось, что обобранный одной стороной получал обратно свое имущество от другой. Правда, ему не всегда возвращали его же добро; пострадавшему иногда возмещали понесенный им урон даже с избытком за пользование его собственностью. Впрочем, в этой местности законность то и дело нарушалась, и решения принимались в угоду интересам и страстям тех, кто был сильнее. Появление несколько подозрительного на вид незнакомца верхом на коне, хотя и без военной сбруи, но все же гордом и статном, как и его седок, вызывало у глазевших на них обитателей окрестных ферм множество догадок; в иных же случаях, у людей с неспокойной совестью, – и немалую тревогу.

Изнуренному необычайно тяжелым днем всаднику не терпелось поскорее укрыться от бури, бушевавшей все сильнее, и теперь, когда вдруг полил крупными каплями косой дождь, он решил просить приюта в первом же попавшемся жилье. Ему не пришлось долго ждать; проехав через шаткие ворота, он, не слезая с седла, громко постучался во входную дверь весьма неказистого дома. В ответ на стук показалась средних лет женщина, внешность которой столь же мало располагала к себе, как и ее жилище. Увидев у порога всадника, освещенного ярким светом пылающего очага, женщина испуганно отпрянула и наполовину прикрыла дверь; когда она спросила приезжего, что ему угодно, на ее лице вместе с любопытством отразился страх.

Хотя полузакрытая дверь не позволила путнику как следует разглядеть убранство комнаты, но и то, что он заметил, заставило его снова устремить пристальный взор в темноту в надежде отыскать более приветливый кров; однако, с трудом скрывая отвращение, он попросил дать ему приют. Женщина слушала с явным неудовольствием и прервала его, не дав закончить фразу.

– Не скажу, чтоб я охотно пускала в дом незнакомых: времена нынче тревожные, – сказала она развязно, резким голосом. – Я бедная одинокая женщина. Дома только старый хозяин, а какой от него прок! Вот в полумиле отсюда, дальше по дороге, есть усадьба, уж там-то вас примут и даже денег не спросят. Я уверена, что им это будет куда удобнее, а мне приятнее – ведь Гарви нет дома. Хотела б я, чтоб он послушался добрых советов и бросил скитаться; денег у него теперь порядочно, пора бы ему образумиться и зажить так, как другие люди его лет и достатка. Но Гарви Бёрч делает все по-своему и в конце концов помрет бродягой!

Всадник не стал больше слушать. Следуя совету ехать дальше по дороге, он медленно повернул коня к воротам, плотнее запахнул полы широкого плаща, готовясь снова пуститься навстречу буре, но последние слова женщины остановили его.

– Так, значит, здесь живет Гарви Бёрч? – невольно вырвалось у него, однако он сдержал себя и ничего больше не добавил.

– Нельзя сказать, что он здесь живет, – ответила женщина и, быстро переведя дух, продолжала:

– Он тут почти не бывает, а если и бывает, то так редко, что я с трудом узнаю его, когда он удостоит показаться своему бедному старому отцу и мне. Конечно, мне все равно, вернется ли он когда-нибудь домой... Значит, первая калитка слева... Ну, а мне-то мало дела до того, явится Гарви сюда когда-нибудь или, нет... – И она резко захлопнула дверь перед всадником, который рад был проехать еще полмили до более подходящего и более надежного жилища.

Было еще достаточно светло, и путник разглядел, что земли вокруг строения, к которому он подъехал, хорошо обработаны. Это был длинный низкий каменный дом с двумя небольшими флигелями. Протянувшаяся во всю длину фасада веранда с аккуратно выточенными деревянными столбами, хорошее состояние ограды и надворных построек – все это выгодно отличало усадьбу от простых окрестных ферм. Всадник поставил лошадь за угол дома, чтобы хоть немного защитить ее от дождя и ветра, перекинул на руку свою дорожную сумку и постучал в дверь. Вскоре появился старик негр; очевидно, не считая нужным докладывать своим господам о посетителе, слуга впустил его, сперва с любопытством оглядев при свете свечи, которую держал в руке. Негр ввел путника в удивительно уютную гостиную, где горел камин,

столь приятный в хмурый октябрьский вечер, когда бушует восточный ветер. Незнакомец отдал сумку заботливому слуге, вежливо попросил старого джентльмена, который поднялся навстречу, дать ему пристанище, поклонился трем дамам, занимавшимся рукоделием, и начал освобождаться от верхней одежды.

Он снял шарф с шеи, затем плащ из синего сукна, и перед внимательными взорами членов семейного кружка предстал высокий, на редкость хорошо сложенный мужчина лет пятидесяти. Его черты выражали чувство собственного достоинства и сдержанность; у него был прямой нос, близкий по типу к греческому; спокойные серые глаза смотрели задумчиво, даже, пожалуй, печально; рот и подбородок говорили о смелости и сильном характере. Его дорожный наряд был прост и скромн, однако так одевались его соотечественники из высших слоев общества; парика на нем не было, и причесывал он волосы, как военные, а в стройной, удивительно складной фигуре сказывалась военная выправка. Внешность незнакомца была столь внушительна и так явно обличала в нем джентльмена, что, когда он снял с себя лишнюю одежду, дамы привстали и вместе с хозяином дома еще раз поклонились ему в ответ на приветствие, с которым он снова к ним обратился.

Хозяин дома был несколькими годами старше путешественника; его манера держаться, платье, окружающая обстановка – все говорило о том, что он повидал свет и принадлежит к высшему кругу. Дамское общество состояло из незамужней особы лет сорока и двух юных девушек по меньшей мере вдвое моложе ее. Краски поблекли на лице старшей леди, но чудесные глаза и волосы делали ее очень привлекательной; очарование придавало ей и милое, приветливое обхождение, каким далеко не всегда могут похвастать многие более молодые женщины. Сестры – сходство между девушками свидетельствовало об их близком родстве – были в полном расцвете молодости; румянец – неотъемлемое свойство вест-честерской красавицы, рдел на их щеках, а глубокие голубые глаза сияли тем блеском, который пленяет наблюдателя и красноречиво говорит о душевной чистоте и покое.

Все три леди отличались женственностью и изяществом, присущими слабому полу этого края, а их манеры показывали, что они, как и хозяин дома, принадлежат к высшему обществу.

Мистер Уортон, ибо так звали владельца уединенной усадьбы, поднес гостю рюмку превосходной мадеры и, налив рюмку себе, снова сел к камину. С минуту он молчал, словно обдумывая, не нарушит ли правила вежливости, задав подобный вопрос незнакомцу, наконец, окинув его испытующим взглядом, спросил:

– За чье здоровье я имею честь выпить? Путник тоже сел; когда мистер Уортон произносил эти слова, он рассеянно смотрел в камин, потом, обратил пытливый взгляд на хозяина дома, ответил с легкой краской в лице:

– Моя фамилия Харпер.

– Мистер Харпер, – продолжал хозяин с церемонностью того времени, – я имею честь выпить за ваше здоровье и надеюсь, что дождь вам не повредил.

Мистер Харпер молча поклонился в ответ на любезность и опять погрузился в раздумье, казалось вполне понятное и извинительное после долгого пути, проделанного по такой непогоде.

Девушки снова сели за пядьцы, а их тетка, мисс Дженнет Пейтон, вышла, чтобы присмотреть за приготовлениями к ужину для неожиданного гостя. Наступило короткое молчание; мистер Харпер, видимо, наслаждался теплом и покоем, но хозяин снова нарушил тишину, спросив гостя, не помешает ли ему дым; получив отрицательный ответ, мистер Уортон тотчас же взялся за трубку, которую отложил при появлении незнакомца.

Хозяину дома явно хотелось завязать разговор, однако, то ли из опасения ступить на скользкую почву, то ли не желая прерывать очевидно умышленное молчание гостя, он долго не решался заговорить. Наконец его подбодрило движение мистера Харпера, бросившего взгляд в сторону, где сидели сестры.

– Теперь стало очень трудно, – заметил мистер Уортон, для начала осторожно обходя темы, которые ему хотелось бы затронуть, – получать табак, каким я привык баловать себя по вечерам.

– А я думал, нью-йоркские лавки поставляют вам самый лучший табак, – спокойно отозвался мистер Харпер.

– Н-да, конечно, – ответил неуверенно мистер Уортон и посмотрел на гостя, но сразу опустил глаза, встретив его твердый взгляд. – В Нью-Йорке, наверное, полно табаку, но в эту войну любая, даже самая невинная, связь с городом слишком опасна, чтобы рисковать из-за такого пустяка.

Табакерка, из которой мистер Уортон только что набил свою трубку, стояла открытая почти у самого локтя мистера Харпера; он машинально взял из нее щепотку и попробовал на язык, однако мистера Уортона это встревожило. Ничего не сказав о качестве табака, гость снова впал в задумчивость, и хозяин успокоился. Теперь, когда он добился некоторого успеха, мистер Уортон не хотел отступить и, сделав над собой усилие, продолжал:

– Я желаю от всего сердца, чтобы кончилась эта нечестивая война и мы опять могли бы встретиться с друзьями и близкими в мире и любви.

– Да, очень хотелось бы, – выразительно сказал мистер Харпер и снова вскинул глаза на хозяина дома.

– Я не слышал, чтобы со времени появления наших новых союзников произошли какие-либо значительные передвижения войск, – заметил мистер Уортон; выбив пепел из трубки, он повернулся к гостю спиной, будто для того, чтобы взять из рук младшей дочери уголек.

– Видимо, об этом еще не стало широко известно.

– Значит, надо полагать, будут сделаны какие-нибудь серьезные шаги? – спросил мистер Уортон, все еще наклонившись к дочери и в ожидании ответа бессознательно мешкая с раскуриванием трубки.

– Разве поговаривают о чем-нибудь определенном?

– О нет, ни о чем особенном; однако от таких мощных сил, какими командует Рошамбо⁵, естественно чего-то ожидать.

Мистер Харпер кивнул головой в знак согласия, но нечего не сказал, а мистер Уортон, раскурив трубку, продолжал:

– Должно быть, на Юге действуют более решительно, Гейтс и Корнваллис там, видимо, хотят покончить с войной⁶.

Мистер Харпер наморщил лоб, и на его лице мелькнула тень глубокой печали; глаза на миг зажглись огнем, обличавшим сильное скрытое чувство. Восхищенный взор младшей сестры едва успел уловить это выражение, как оно уже исчезло; лицо незнакомца стало опять спокойным и исполненным достоинства, неоспоримо показывая, что разум у него преобладает над чувством.

Старшая сестра приподнялась со стула и с торжеством воскликнула:

– Генералу Гейтсу не повезло с графом Корнваллисом, как повезло с генералом Бергойном⁷.

– Но ведь генерал Гейтс не англичанин, Сара, – поспешила возразить младшая леди; смущенная своей смелостью, она покраснела до корней волос и принялась рыться в рабочей корзинке, втайне надеясь, что на ее слова не обратили внимания.

---

⁵ Рошамбо – командующий французскими войсками, переброшенными на североамериканский материк для помощи американским колониям в борьбе против Англии.

⁶ Уортон намекает на победу английского генерала Корнваллиса, разбившего войско американского генерала Гейтса в сражении при Комдене в штате Южная Каролина (1780).

⁷ Генерал Гейтс под Сараготой заставил капитулировать английского генерала Бергойна со всем его войском (1777). Эта крупная победа американцев сыграла решающую роль во всем дальнейшем ходе войны.

Пока девушки говорили, гость смотрел то на одну, то на другую; едва уловимое подергивание губ выдавало его душевное волнение, когда он шутливо обратился к младшей из сестер:

– А могу ли я узнать, какой вывод вы делаете из этого?

Когда у Френсис прямо спросили мнения о вопросе, неосторожно затронутым при постороннем, она покраснела еще гуще, но ответа ждали, и девушка, немного запинаясь, нерешительно сказала:

– Просто... просто, сэр... мы с сестрой порой расходимся в оценке доблести англичан.

На ее детски невинном лице заиграла лукавая улыбка.

– А что же, собственно, вызывает у вас разногласия? – спросил мистер Харпер, отвечая на ее живой взгляд почти отечески мягкой улыбкой.

– Сара считает, что англичане никогда не терпят поражений, а я не очень-то верю в их непобедимость.

Путник слушал девушку с той ласковой снисходительностью, с какой благородная старость относится к пылкой наивной молодости, но промолчал и, повернувшись к камину, снова устремил взор на тлеющие угли.

Мистер Уортон напрасно старался проникнуть в тайну политических взглядов гостя. Хотя мистер Харпер не казался угрюмым, однако он не проявлял и общительности, напротив – он поражал своей замкнутостью; когда хозяин дома встал, чтобы проводить мистера Харпера к столу в соседнюю комнату, он ровным счетом ничего не знал из того, что в те времена было так важно знать о незнакомом человеке. Мистер Харпер подал руку Саре Уортон, и они вместе вошли в столовую; Френсис следовала за ними, спрашивая себя, не задела ли она чувства гостя своего отца.

Буря разыгралась еще сильнее, и проливной дождь, хлеставший в стены дома, будил безотчетное ощущение радости, какую в ненастную погоду испытываешь в теплой, уютной комнате. Вдруг резкий стук в дверь снова вызвал верного слугу-негра в переднюю. Через минуту он вернулся и доложил мистеру Уортону, что еще один застигнутый бурей путник просит приютить его на ночь.

Как только новый пришелец нетерпеливо постучал в дверь, мистер Уортон с явным беспокойством поднялся с места; он быстро перевел взгляд с мистера Харпера на дверь, словно ожидая, что за появлением второго незнакомца последует что-то связанное с первым. Едва он успел слабым голосом приказать слуге ввести путника, как дверь широко распахнулась, и тот сам вошел в комнату. Заметив мистера Харпера, путник на мгновение замялся, потом несколько церемонно повторил свою просьбу, которую только что передал через слугу. Мистеру Уортону и его семейству новый гость крайне не понравился, однако, опасаясь, что отказ в ночлеге в такую жестокую бурю может привести к неприятностям, старый джентльмен скрепя сердце согласился приютить и этого незнакомца.

Мисс Пейтон приказала подать еще кое-какие кушанья, и пострадавший от непогоды был приглашен к столу, за которым только что отужинало небольшое общество. Сбросив с себя верхнюю одежду, пришелец решительно сел на предложенный ему стул и с завидным аппетитом принялся утолять свой голод. Однако при каждом глотке он обращал тревожный взор на мистера Харпера, который так пристально его разглядывал, что ему невольно становилось не по себе. Наконец, налив в бокал вина, новый гость многозначительно кивнул наблюдавшему за ним мистеру Харперу и довольно язвительно сказал;

– Пью за наше более близкое знакомство, сэр. Кажется, мы встречаемся впервые, хотя ваше внимание ко мне наводит на мысль, что мы старые знакомые.

Должно быть, вино пришлось ему по вкусу, ибо, поставив на стол пустой бокал, он на всю комнату причмокнул губами и, подняв бутылку, несколько мгновений держал ее против света, молча любясь блеском прозрачного напитка.

– Вряд ли мы когда-либо встречались, – следя за движениями нового гостя, с легкой улыбкой отозвался мистер Харпер; видимо удовлетворенный своими наблюдениями, он повернулся к сидевшей с ним рядом Саре Уортон и заметил:

– После развлечений городской жизни вам, наверное, тоскливо в вашем теперешнем жилище?

– О, ужасно тоскливо! – с жаром ответила Сара. – Как и, отец, я хочу, чтобы эта ужасная война кончилась скорее и мы снова встретились с нашими друзьями.

– А вы, мисс Френсис, так же горячо жаждете мира, как и ваша сестра?

– По многим причинам, конечно, да, – ответила девушка, украдкой бросив на мистера Харпера застенчивый взгляд. Заметив на его лице прежнее доброе выражение, она продолжала, и умная улыбка озарила ее живые черты:

– Но только не ценою потери прав моих соотечественников.

– Прав! – возмущенно повторила ее сестра. – Чьи права могут быть справедливее, чем права монарха! И разве есть долг более настоятельный, чем долг повиноваться тому, кто имеет законное право повелевать?

– Ничьи, конечно, ничьи, – сказала Френсис, смеясь от души; ласково взяв в обе руки руку сестры и улыбнувшись мистеру Харперу, она добавила:

– Я уже говорила вам, что мы с сестрой расходимся в политических взглядах, но зато отец для нас беспристрастный посредник; он любит и своих соотечественников, любит и англичан, а потому не берет ни мою сторону, ни сторону сестры.

– Это так, – с некоторым беспокойством заметил мистер Уортер, взглянув сначала на первого гостя, потом на второго. – У меня близкие друзья в обеих армиях, и, кто бы ни выиграл войну, победа любой из сторон принесет мне лишь огорчения; поэтому я страшусь ее.

– Как я полагаю, нет особых оснований опасаться победы янки⁸, – вмешался новый гость, спокойно наливая себе еще один бокал из облюбованной им бутылки.

– Войска его величества, возможно, лучше обучены, чем континентальные, – несмело вымолвил хозяин дома, – но ведь и американцы одерживали выдающиеся победы.

Мистер Харпер оставил без внимания как первое, так и второе замечание и попросил проводить его в отведенную ему комнату. Слуге-мальчику велели показать дорогу, и, учтиво пожелав всем доброй ночи, путник удалился. Как только за мистером Харпером закрылась дверь, нож и вилка выпали из рук сидевшего за столом непрошеного гостя; он медленно поднялся, осторожно подошел к двери, отворил ее, прислушался к удалявшимся шагам и, не обращая внимания на ужас и изумление семейства Уортон, снова затворил ее. Рыжий парик, скрывавший черные кудри, широкая повязка, прятавшая половину лица, сутулость, благодаря которой гость выглядел пятидесятилетним стариком, – все исчезло.

– Отец! Дорогой мой отец! – крикнул красивый молодой человек, – милые мои сестрицы и тетушка! Неужели я наконец с вами?

– Благослови тебя господь, Генри, сын мой! – радостно воскликнул пораженный отец.

А девушки, в слезах, приникли к плечам брата. Единственным посторонним свидетелем того, как неожиданно объявился сын мистера Уортона, был верный негр, выросший в доме своего хозяина и, словно в насмешку над своим положением раба, названный Цезарем. Взяв протянутую молодым Уортоном руку, он горячо поцеловал ее и вышел. Мальчик-слуга больше не возвращался, но Цезарь снова вошел в гостиную, как раз в ту минуту, когда молодой английский капитан спросил:

– Но кто такой этот мистер Харпер? Он не выдаст меня?

---

⁸ Янки – презрительное имя, которым англичане называли американцев.

– Нет, нет, масса Гарри! – убежденно воскликнул негр, качая седой головой. – Я видел... Масса Харпер на коленях молился богу. Человек, что молится богу, не будет доносить на хорошего сына, который пришел к старому отцу... Скиннер⁹ сделает такое, но не христианин!

Не один мистер Цезарь Томсон, как он сам себя величал (немногочисленные знакомые называли его Цезарем Уортоном) так дурно думал о скиннерах. Обстановка, сложившаяся в окрестностях Нью-Йорка, вынуждала командиров американской армии – для выполнения некоторых планов, а также чтобы досаждать неприятелю – принимать на службу людей заведомо преступных нравов. Естественным следствием господства военной силы, которую гражданские власти не сдерживали, были притеснения и несправедливости. Но не такое было время, чтобы заниматься серьезным разбирательством всяческих злоупотреблений. Так выработался определенный порядок, в общем сводившийся к тому, что у своих же соотечественников отнимали считавшиеся личными богатства, прикрываясь при этом патриотизмом и любовью к свободе.

Незаконному распределению земных благ частенько попустительствовали военные власти, и не раз бывало, что какой-нибудь незначительный военный чиновник узаконивал самые беспардонные грабежи, а порой даже убийства.

Не зевали и англичане, особенно там, где под маской верности короне представлялась возможность дать себе волю. Но эти мародеры вступали в ряды английской армии и действовали куда более организованно, чем скиннеры. Долгий опыт показал их вожакам все выгоды организованных действий, и они не обманулись в расчете, если только предание не преувеличило их подвиги. Их отряд получил забавное название “ковбойского”¹⁰ – видимо благодаря нежной любви его солдат к полезному животному – корове.

Впрочем, Цезарь был слишком предан английскому королю, чтобы объединять в своем представлении людей, получавших чины от Георга III, с воинами нерегулярной армии, чьи бесчинства ему не раз доводилось наблюдать и от чьей алчности его самого не спасали ни бедность, ни положение невольника. Итак, Цезарь не выразил ковбоям вполне заслуженного осуждения, а сказал, что только скиннер способен выдать доброго сына, рисковавшего жизнью, чтобы повидать отца.

---

⁹ Скиннерами (от английского слова *skinner* – живодер) называли мародеров, которые под предлогом помощи американской армии грабили мирное население нейтральной территории, главным образом – сторонников англичан.

¹⁰ Ковбоями (от английского слова *cow-boy* – коровий пастух) тогда называли мародеров, которые, в отличие от скиннеров, орудовали на стороне англичан.

Глава II

*Познал он радость тихой жизни с ней,
Но смолкло сердце, бывшее рядом,
Навек ушла подруга юных дней,
И стала дочь единственной отрадой.*

Томас Кэмпбелл, “Гертруда из Вайоминга”

Отец мистера Уортона родился в Англии и был младшим сыном в семье, парламентские связи которой обеспечили ему место в колонии Нью-Йорк. Как и сотни других молодых англичан его круга, он навсегда обосновался в Америке. Он женился, а единственный отпрыск от этого союза был послан в Англию, чтобы воспользоваться преимуществами образования в тамошних учебных заведениях. Когда юноша закончил в метрополии университет, родители дали ему возможность познакомиться с прелестями европейской жизни. Но через два года отец умер, оставив в наследство сыну почтенное имя и обширное поместье, и юноша вернулся на родину.

В те дни, чтобы сделать карьеру, молодые люди из именитых английских семей вступали в армию или во флот. Большую часть высоких должностей в колониях занимали военные, и нередко можно было встретить в высших судебных органах воина-ветерана, который мечу предпочел мантию судьи.

Следуя этому обычаю, старший мистер Уортон предназначил и своего сына в армию, однако нерешительный характер молодого человека помешал отцу выполнить свое намерение.

Юноша в течение целого года взвешивал и сравнивал превосходства одного рода войск над другими. Но тут умер отец. Беспечная жизнь, внимание, которым был окружен молодой владелец одного из самых больших поместий в колониях, отвлекли его от честолюбивых замыслов. Дело решила любовь, и, когда мистер Уортон стал супругом, он уже не думал о том, чтобы стать военным. Много лет жил он счастливо в своей семье, пользуясь уважением соотечественников как человек честный и положительный, однако всем его радостям вдруг пришел конец. Его единственный сын, молодой человек, представленный нами в первой главе, вступил в английскую армию и незадолго до начала военных действий вернулся на родину вместе с войсками пополнения, которые военное министерство Англии сочло нужным отправить в восставшие районы Северной Америки. Дочери мистера Уортона были еще совсем маленькими девушками и жили тогда в Нью-Йорке, ибо только город мог придать необходимый лоск их воспитанию. Его жена прихварывала, и ее здоровье с каждым годом ухудшалось; едва она успела прижать сына к груди, радуясь, что вся семья в сборе, как вспыхнула революция, охватив своим пламенем всю страну от Джорджии до Массачусетса. Болезненная женщина не вынесла потрясения и умерла, когда узнала, что сын уходит в бой и ему предстоит сражаться на Юге с ее же родными.

На всем континенте не было другого места, где бы английские нравы и аристократические понятия о чистоте крови и происхождения не укоренились так прочно, как в районах, примыкавших к Нью-Йорку. Правда, обычаи первых поселенцев – голландцев – несколько смешались с обычаями англичан, но преобладали последние. Преданность Великобритании стала еще крепче благодаря частым бракам английских офицеров с девушками из богатых и могущественных местных семей, влияние которых к началу военных действий чуть было не толкнуло колонию на сторону короля. Впрочем, кое-кто из представителей этих видных семей под-

держивал дело народа; упорство правительства было сломлено, и с помощью конфедеративной армии ¹¹ была создана независимая республиканская форма правления.

Только город Нью-Йорк и граничившие с ним территории не признавали новую республику, но и там престиж королевской власти держался лишь силою оружия. При таком положении вещей сторонники короля действовали по-разному – в зависимости от их места в обществе и личных склонностей. Одни с оружием в руках, не жалея сил, мужественно защищали законные, как они считали, права короля и пытались спасти от конфискации свое имущество. Другие уезжали из Америки, чтобы укрыться от превратностей и бедствий войны в стране, которую они напыщенно называли отчизной, надеясь, однако, через несколько месяцев вернуться назад. Третьи, наиболее осторожные, остались дома, не отваживаясь покинуть свои обширные владения, а может быть, из привязанности к местам, где прошла их юность. К числу таких людей принадлежал и мистер Уортон. Этот джентльмен оградил себя от возможных случайностей, тайно поместив все свои наличные деньги в Английский банк; он принял решение не уезжать из страны и строжайше соблюдать нейтралитет, рассчитывая таким образом сохранить свои владения, чья бы сторона ни взяла верх. Казалось, он был всецело поглощен воспитанием своих дочерей, однако родственник, занимавший важный пост при новом правительстве, намекнул ему, что в глазах соотечественников его пребывание в Нью-Йорке, ставшем лагерем англичан, равносильно пребыванию в столице Англии. Мистер Уортон вскоре и сам понял, что в тех условиях это было непростительной ошибкой, и решил ее исправить, немедленно покинув город. В Вест-Честере у него было большое поместье, куда он в течение многих лет уезжал на жаркие месяцы; дом содержался в полном порядке, и в нем всегда можно было найти приют. Старшая дочь мистера Уортона уже выезжала, но младшей, Френсис, нужно было еще года два подготовки, чтобы появиться в обществе в полном блеске; во всяком случае, так полагала мисс Дженнет Пейтон. Эта леди, младшая сестра покойной супруги мистера Уортона, покинула отчий дом в Вирджинии и со свойственными ее полу преданностью и любовью взяла на себя заботу об осиротевших племянницах, а потому их отец считался с ее мнением. Итак, он последовал ее совету и, принеся в жертву родительские чувства для блага своих детей, оставил их в городе.

Мистер Уортон отправился в свою усадьбу “Белые акации” с разбитым сердцем – ведь он оставлял тех, кого доверила ему обожаемая жена, – но он должен был внять голосу благоразумия, настойчиво призывавшему его не забывать о своем имуществе. Дочери остались с теткой в великолепном городском доме. Полк, в котором служил капитан Уортон, входил в состав постоянного гарнизона Нью-Йорка, и мысль, что сын в том же городе, где и дочери, была немалым утешением для отца, постоянно о них беспокоившегося. Однако капитан Уортон был молод и к тому же солдат; он нередко ошибался в людях, а так как очень высоко ставил англичан, то думал, что под красным мундиром ¹² не может биться бесчестное сердце.

Дом мистера Уортона стал местом светских развлечений офицеров королевской армии, как, впрочем, и другие дома, удостоившиеся их внимания. Кое-кому из тех, кого посещали офицеры, эти визиты пошли на пользу, многим принесли вред, потому что зародили несбыточные надежды, а для большинства, к несчастью, были губительны. Всем известное богатство отца, а возможно, и близкое соседство отважного брата избавляли от опасений, что беда приключится и с молоденькими дочерьми мистера Уортона; и все же трудно было ожидать, чтобы любезности поклонников, восхищавшихся прелестным личиком и стройной фигурой Сары Уортон, не оставили следа в ее душе. Рано созревшая в благодатном климате красота Сары и ее изысканные манеры сделали девушку общепризнанной первой красавицей города. Казалось, лишь одна Френсис могла бы оспаривать это главенство среди женщин их

---

¹¹ Конфедеративная армия – армия федерации штатов Северной Америки.

¹² Красные мундиры были формой офицеров английской королевской армии

круга. Впрочем, Френсис доставало еще полгода до волшебных шестнадцати лет, к тому же мысль о соперничестве и в голову не приходила нежно привязанным друг к Другу сестрам. Если не считать удовольствия от болтовни с полковником Уэлмиром, Саре приятнее всего было любоваться расцветающей красотой насмешливой маленькой Гебы ¹³, которая подрастала рядом с ней, радуясь жизни со всей невинностью молодости и пылом горячей природы. Может быть, потому, что на долю Френсис не выпадало столько комплиментов, сколько доставалось ее старшей сестре, а может, и по другой причине, но рассуждения офицеров о характере войны производили на Френсис совсем иное впечатление, чем на Сару. Английские офицеры имели обыкновение презрительно отзываться о своих противниках, и Сара принимала пустое бахвальство своих кавалеров за чистую монету. Вместе с первыми политическими суждениями, дошедшими до слуха Френсис, она услышала иронические замечания о поведении своих соотечественников. Сперва она верила словам офицеров, но один генерал, бывавший в доме мистера Уортона, нередко вынужден был отдавать должное врагу, чтобы не умалить собственных заслуг, и Френсис стала с некоторым сомнением относиться к разговорам о неудачах мятежников. Полковник Уэлмир принадлежал к числу тех, кто особенно изощрялся в остроумии по поводу злополучных американцев, и со временем девушка уже слушала его разглагольствования с большим недоверием, а порой и с возмущением.

Однажды в знойный душный день Сара и полковник Уэлмир сидели на диване в гостиной и, переглядываясь, вели обычный легкий разговор; Френсис вышивала в пяльцах в другом конце комнаты.

– Как будет весело, мисс Уортон, когда в город войдет армия генерала Бергойна! – вдруг воскликнул полковник.

– О, как это будет чудесно! – беззаботно подхватила Сара. – Говорят, с офицерами едут их жены – очаровательные дамы. Вот когда повеселимся всласть!

Френсис откинула со лба пышные золотистые волосы, подняла глаза, заблестевшие при мысли о родине, и, лукаво смеясь, спросила:

– А вы уверены, что генералу Бергойну позволят войти в город?

– “Позволят”! – подхватил полковник. – А кто может ему помешать, моя милочка, мисс Фанни?

Френсис была как раз в том возрасте – уже не ребенок, но еще и не взрослая, – когда юные девушки особенно ревниво относятся к своему положению в обществе. Фамильярное обращение “моя милочка” покорило ее, она впустила глаза, и ее щеки залил румянец.

– Генерал Старк взял немцев в плен ¹⁴, – вымолвила она, сжав губы. – Не сочтет ли и генерал Гейтс англичан слишком опасными, чтобы оставлять их на свободе?

– Но ведь то были немцы, как вы и сказали, – возразил полковник, раздосадованный, что ему приходится вступать в объяснения. – Немцы – всего лишь наемные войска, когда же врагу придется иметь дело с английскими полками, конец будет совсем иной.

– Ну конечно, – вставила Сара, ничуть не разделяя недовольства полковника ее сестрой, но заранее радуясь победе англичан.

– Скажите, пожалуйста, полковник Уэлмир, – спросила Френсис, снова повеселев и подняв на него смеющиеся глаза, – лорд Перси, потерпевший поражение при Лексингтоне ¹⁵, не потомок ли героя старинной баллады “Чеви Чейз”?

---

¹³ Геба (греч. миф.) – богиня вечной юности.

¹⁴ Американский генерал Старк в битве у Бенингтона (1777) взял в плен пятьсот немцев. Немецкие солдаты, которых английский король Георг III покупал у владетельных немецких князей, составляли около трети английского войска, посланного в Америку подавлять восстания колоний.

¹⁵ При Лексингтоне в 1775 году произошло первое крупное сражение, принесшее победу американским борцам за независимость.

– Мисс Фанни, да вы становитесь мятежницей! – сказал полковник, пытаясь за улыбкой скрыть свое раздражение. – То, что вы изволили назвать поражением при Лексингтоне, было лишь тактическим отступлением... вроде...

–..сражения на бегу... – прервала бойкая девушка, подчеркивая последние слова.

– Право же, молодая леди...

Но раздавшийся в соседней комнате смех не дал полковнику Уэлмиру договорить.

Порыв ветра распахнул двери в маленькую комнату, примыкавшую к гостиной, где беседовали сестры и полковник. У самого входа сидел красивый юноша; по его улыбке можно было видеть, что разговор доставил ему истинное удовольствие. Он тотчас поднялся и, держа шляпу в руках, вошел в гостиную. Это был высокий, стройный молодой человек со смуглым лицом; в его блестящих черных глазах еще таился смех, когда он поклонился дамам.

– Мистер Данвуди! – с удивлением воскликнула Сара. – А я и не знала, что вы здесь. Идите к нам, в этой комнате прохладнее.

– Благодарю вас, – ответил молодой человек, – но мне пора, я должен отыскать вашего брата. Генри оставил меня, как он выразился, в засаде и пообещал вернуться через час.

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, Данвуди вежливо поклонился девушкам, холодно, даже надменно кивнул головой полковнику и покинул гостиную. Френсис вышла за ним в переднюю и, густо покраснев, быстро проговорила:

– Но почему... почему вы уходите, мистер Данвуди? Генри должен скоро вернуться.

Молодой человек взял ее за руку. Суровое выражение его лица сменилось восхищением, когда он произнес:

– Вы славно его отделали, моя дорогая кузиночка! Никогда, никогда не забывайте свою родину! Помните: вы не только внучка англичанина, но и внучка Пейтона.

– О, – со смехом отозвалась Френсис, – это не так-то легко забыть – ведь тетя Дженнет постоянно читает нам лекции по генеалогии!.. Но почему вы уходите?

– Я уезжаю в Виргинию, и у меня много дел. – Он пожал ей руку, оглянулся и уже у самой двери добавил:

– Будьте верны своей стране – будьте американкой.

Пылкая девушка послала ушедшему воздушный поцелуй и, прижав красивые руки к горящим щекам, побежала к себе в комнату, чтобы скрыть свое смущение.

Явная насмешка, прозвучавшая в словах Френсис, и плохо скрываемое презрение молодого человека поставили полковника Уэлмира в неловкое положение; однако, не желая показывать при девушке, в которую был влюблен, что он придает значение таким пустякам, Уэлмир высокомерно проронил после ухода Данвуди:

– Весьма дерзкий юноша для человека его круга – ведь это приказчик, присланный из лавки с покупками?

Мысль о том, что изящного Пейтона Данвуди можно принять за приказчика, и в голову не могла прийти Саре, и она с удивлением взглянула на Уэлмира. Меж тем полковник продолжал:

– Этот мистер Дан... Дан...

– Данвуди! Что вы... он родственник моей тети! – воскликнула Сара. – И близкий друг моего брата; они вместе учились и расстались только в Англии, когда брат записался в армию, а он поступил во французскую военную академию.

– Вот уж, наверное, его родители зря выбросили деньги! – заметил полковник с досадой, которую ему не удалось скрыть.

– Будем надеяться, что зря, – с улыбкой сказала Сара, – говорят, он собирается вступить в армию мятежников. Он прибыл сюда на французском корабле, и его недавно перевели в другой полк; быть может, вы скоро с ним встретитесь с оружием в руках.

– Ну что ж, пусть... Желаю Вашингтону побольше таких героев. – И полковник перевел разговор на более приятную тему – о Саре и о себе самом.

Спустя несколько недель после этой сцены армия Бергойна сдала оружие. Мистер Уортон уже начал сомневаться в победе англичан; желая снискать расположение американцев и доставить радость себе, он вызвал дочерей из Нью-Йорка. Мисс Пейтон согласилась поехать с ними. С той поры и до событий, с которых мы начали наше повествование, они жили все вместе.

Генри Уортон шел с главной армией всюду, куда бы она ни направлялась. Раза два под охраной сильных отрядов, действовавших вблизи усадьбы “Белые акации”, он тайно и ненадолго навещал своих родных. Прошел год с тех пор, как он виделся с ними, и вот порывистый молодой человек, преобразившись вышеописанным образом, явился к отцу как раз в тот вечер, когда в коттедже нашел приют незнакомый и даже внушающий недоверие человек, – хотя теперь у них в доме чужие бывали очень редко.

– Так вы думаете, что он ничего не заподозрил? – взволнованно спросил капитан, после того как Цезарь высказал свое мнение о скиннерах.

– Как он мог заподозрить что-нибудь, если даже сестры и отец тебя не узнали! – воскликнула Сара.

– В его поведении есть что-то загадочное; сторонний, наблюдатель не вглядывается в людей с таким вниманием, – задумчиво продолжал молодой Уортон, – и лицо его кажется мне знакомым. Казнь Андре ¹⁶ взбудоражила обе стороны. Сэр Генри ¹⁷ грозит отомстить за его смерть, а Вашингтон непреклонен, словно покори́л полмира. Попадись я, на свою беду, в руки мятежников, они не преминут воспользоваться этим в своих интересах.

– Но, сын мой, – в тревоге вскричал отец, – ведь ты же не шпион, ты не находишься в расположении мятежников... американцев, я хотел сказать... здесь нечего выведывать!

– Я в этом не уверен, – пробормотал молодой человек. – Когда я шел переодетый, я заметил, что их пикеты продвинулись к югу до Уайт-Плейнс. Правда, у меня безобидная цель, но как это доказать? Мой приход сюда могут истолковать как маскировку, за которой скрываются тайные намерения. Вспомните, отец, как обошлись с вами в прошлом году, когда вы послали мне провизию на зиму.

– Тут постарались мои милые соседи, – сказал мистер Уортон, – они надеялись, что мое поместье конфискуют и они по дешевке скупят хорошие земли. Впрочем, Пейтон Данвуди быстро добился нашего освобождения – нас не продержали и месяца.

– Нас? – удивленно повторил Генри. – Разве сестры тоже были арестованы? Ты не писала мне об этом, Фанни.

– Кажется, – вспыхнув, сказала Френсис, – я упоминала, как с нами был добр наш старый друг майор Данвуди; ведь благодаря ему освободили папу.

– Это верно. Но скажи, ты тоже была в лагере мятежников?

– Да, была, – с теплотой сказал мистер Уортон. – Фанни не хотела отпускать меня одного. Дженнет и Сара остались присматривать за усадьбой, а эта девочка была моим товарищем по плену.

– И Фанни вернулась оттуда еще большей бунтаркой, чем раньше, – с негодованием воскликнула Сара, – хотя, казалось бы, муки отца должны были излечить ее от этих причуд!

– Ну, что скажешь в свое оправдание, моя красавица сестренка? – весело спросил Генри. – Не научил ли тебя Пейтон ненавидеть нашего короля больше, чем он сам его ненавидит?

– Никого Данвуди не ненавидит! – выпалила Френсис и, смущенная своей горячностью, тут же добавила:

– А тебя он любит, Генри, он не раз говорил мне об этом.

---

¹⁶ Андре – майор Андре, адъютант английского главнокомандующего; в 1780 году был повешен американцами за шпионаж.

¹⁷ Сэр Генри – генерал Генри Клинтон, главнокомандующий английской армией на территории Северной Америки с 1778 по 1781 год.

Молодой человек с нежной улыбкой потрепал сестру по щеке и шепотом спросил:

– А говорил он тебе, что любит мою сестренку Фанни?

– Глупости! – воскликнула Френсис и принялась хлопотать около стола, с которого под ее наблюдением быстро убрали остатки ужина.

Глава III

*Осенний ветер, холодом повеяв,
Сорвал последнюю листву с деревьев,
И медленно над Ловманским холмом
Плывет луна в безмолвии ночном.
Покинув шумный город, в путь далекий
Отправился разносчик одинокий.*

Уилсон

Буря, которую восточный ветер несет в горы, откуда берет начало Гудзон, редко длится меньше двух дней. Когда на следующее утро обитатели коттеджа “Белые акации” собрались к первому завтраку, они увидели, что дождь бьет по стеклам чуть ли не горизонтальными струями; конечно, никому и в голову не могла прийти мысль выставить за дверь в такое ненастье не только человека, но даже животное. Мистер Харпер появился последним; посмотрев в окно, он извинился перед мистером Уортоном, что вынужден из-за непогоды еще некоторое время злоупотреблять его гостеприимством. Казалось, ответ прозвучал столь же любезно, как и извинение, но чувствовалось, что гость примирился с необходимостью, в то время как хозяин дома был явно смущен. Подчиняясь воле отца, Генри Уортон неохотно, даже с отвращением снова изменил свой облик. Он ответил на приветствие незнакомца, который поклонился ему и всем членам семьи, но в разговор ни тот, ни другой не вступали. Правда, Френсис почудилось, что по лицу гостя пробежала улыбка, когда он, войдя в комнату, увидел Генри; но улыбка мелькнула лишь в глазах, лицо же сохранило выражение добродушия и сосредоточенности, свойственное мистеру Харперу и редко его покидавшее. Любящая сестра с тревогой посмотрела на брата, потом она взглянула на незнакомца и встретилась с ним глазами в ту минуту, когда он с подчеркнутым вниманием оказывал ей одну из обычных мелких услуг, принятых за столом. Затрепетавшее сердце девушки стало биться спокойно, насколько это возможно при молодости, цветущем здоровье и жизнерадостности. Все уже сидели за столом, когда в комнату вошел Цезарь; молча положив перед хозяином небольшой пакет, он скромно остановился за его стулом и оперся рукой о спинку, прислушиваясь к разговору.

– Что это такое, Цезарь? – спросил мистер Уортон, поворачивая пакет и с некоторым подозрением рассматривая его.

– Табак, сэр. Гарви Бёрч вернулся и привез вам немножко хорошего табаку из Нью-Йорка.

– Гарви Бёрч! – опасливо произнес мистер Уортон и украдкой взглянул на незнакомца. – Разве я поручал ему купить мне табаку? Ну, уж если привез, надо уплатить ему за труды.

Когда заговорил негр, мистер Харпер на мгновение прервал свою молчаливую трапезу; он медленно перевел взгляд со слуги на хозяина и снова углубился в себя.

Известие, которое сообщил слуга, очень обрадовало Сару Уортон. Она стремительно встала из-за стола и приказала впустить Бёрча, однако сразу одумалась и, посмотрев на гостя виноватым взглядом, добавила:

– Конечно, если мистер Харпер не возражает против этого.

Ласковое, доброе выражение лица незнакомца, который молча кивнул головой, было красноречивее самых длинных фраз, и молодая леди, проникшись к нему доверием, спокойно повторила свое приказание.

В глубоких оконных нишах стояли стулья с резными спинками, а великолепные шторы из узорчатой шелковой ткани, украшавшие прежде окна гостиной в доме на Куин-стрит ¹⁸, создавали ту невыразимую атмосферу уюта, которая заставляет с удовольствием думать о приближении зимы. В одну из этих ниш метнулся капитан Уортон и, чтобы спрятаться от посторонних глаз, задернул за собою шторы; его младшая сестра с неожиданной для ее живого нрава сдержанностью, молча вошла в другую нишу.

Гарви Бёрч начал торговать вразнос еще с юности – во всяком случае, он часто говорил об этом, – а ловкость, с какой он сбывал свои товары, подтверждала его слова. Он был уроженец одной из восточных колоний; его отец выделялся своим умственным развитием, и это давало соседям основание полагать, что у себя на родине Бёрчи знавали лучшие дни. Однако Гарви ничем не отличался от местных простолюдинов, разве только своей сообразительностью, а также тем, что его действия были всегда окутаны какой-то тайной. Отец с сыном пришли в долину лет десять назад, купили тот убогий домик, в котором мистер Харпер тщетно пытался найти пристанище, и зажили, тихо и мирно, не заводя знакомств и не привлекая к себе внимания. Пока ему позволяли возраст и здоровье, отец обрабатывал небольшой участок земли при доме; сын же усердно занимался мелочной торговлей. Скромность и добропорядочность со временем заслужили им такое уважение во всей округе, что одна девица лет тридцати пяти, отбросив свойственные женщинам предрассудки, согласилась взять на себя заботу об их домашнем хозяйстве. Румянец давным-давно поблек на щеках Кэти Хейнс; она видела, что все ее знакомые – мужчины и женщины – соединились в союзы, столь желанные ее полу, но сама почти потеряла надежду на замужество; однако в семью Бёрчей она вошла не без тайного умысла. Нужда – жестокий властелин, и за неимением лучшей компаньонки отец и сын были вынуждены принять услуги Кэти; впрочем, она обладала качествами, благодаря которым стала вполне сносной домоправительницей. Она была чистоплотна, трудолюбива и честна; зато отличалась болтливостью, себялюбием, была суеверна и невыносимо любопытна. Прослужив у Бёрчей около пяти лет, она с торжеством говорила, что услышала – вернее, подслушала – так много, что знает, какая жестокая участь постигла ее хозяев до переселения в Вест-Честер. Если бы у Кэти был хоть небольшой дар предвидения, она могла бы предсказать и то, что ожидало их в дальнейшем. Из тайных разговоров отца и сына она узнала, что пожар превратил их в бедняков и что из некогда многочисленной семьи остались в живых только они двое. Голос старика дрожал, когда он вспоминал об этом несчастье, тронувшем даже сердце Кэти. Но нет в мире преград для низменного любопытства, и она продолжала интересоваться чужими делами, пока Гарви не пригрозил ей, что возьмет на ее место женщину помоложе; услышав это грозное предостережение, Кэти поняла, что есть границы, которые не следует преступать. С той поры домоправительница благоразумно сдерживала свое любопытство, и, хотя она никогда не упускала возможности подслушать, запасы ее сведений пополнялись очень туго. Тем не менее ей удалось выяснить кое-что, представлявшее для нее немалый интерес, и тогда, руководимая двумя побуждениями – любовью и алчностью, – она поставила перед собой определенную цель, устремив всю свою энергию на то, чтобы ее добиться. Порой глубокой ночью Гарви тихонько подбирался к очагу в комнате, служившей Бёрчам гостиной и кухней. Тут-то Кэти и выследила своего хозяина; воспользовавшись его отсутствием и тем, что старик был чем-то занят, она вытащила из-под очага один кирпич и наткнулась на чугунок с блестящим металлом, способным смягчить самое черствое сердце. Кэти незаметно положила кирпич на место и уже больше никогда не отваживалась на такой неосторожный поступок. Однако с той минуты сердце девы укротилось, и Гарви не понял, в чем его счастье, только потому, что не был наблюдателем.

Война не препятствовала разносчику заниматься своим делом; нормальная торговля в графстве прекратилась, но это было ему на руку, и, казалось, он только и думал, что о бары-

---

¹⁸ Куин-стрит – в то время один из самых аристократических кварталов Нью-Йорка.

шах. Год или два он без помех продавал свои товары, и его доходы росли; между тем какие-то темные слухи набросили на него тень, и гражданские власти сочли необходимым покороче познакомиться с его образом жизни. Разносчик не раз попадал под стражу, но ненадолго и довольно легко ускользал от блюстителей гражданских законов; военные же власти преследовали его более настойчиво. И все-таки Гарви Бёрч не сдался, хотя и вынужден был соблюдать величайшую осторожность, особенно когда находился неподалеку от северных границ страны, или, иными словами, поблизости от американских войск. Он уже не так часто бывал в “Белых акациях”, а в своем жилище появлялся столь редко, что раздосадованная Кэти, как мы уже рассказывали, не вытерпела и излила душу незнакомцу. Казалось, ничто не могло помешать этому неутомимому человеку заниматься своим ремеслом. Вот и сейчас, рассчитывая сбыть кое-какой товар, имевший спрос только в самых богатых домах Вест-Честера, он решился в свирепую бурю пройти полмили, отделявшие его дом от усадьбы мистера Уортона.

Получив приказание своей молодой госпожи. Цезарь вышел и через несколько минут вернулся вместе с тем, о ком только что шла речь. Разносчик был выше среднего роста, худощав, но широк в кости и с крепкими мускулами. При первом взгляде на него всякий удивился бы, что он выдерживает на спине тяжесть своей громоздкой ноши; однако Бёрч сбросил ее с удивительным проворством и с такой легкостью, словно в тюке был пух. Глаза у Бёрча были серые, ввалившиеся и беспокойные; в тот краткий миг, когда они останавливались на лице человека, с которым он разговаривал, казалось, что они пронизывают того насквозь.

Впрочем, в его глазах можно было прочесть два разных выражения, говорящих о его характере. Когда Гарви Бёрч сбывал свои товары, его лицо становилось живым и умным, а взгляд на редкость пронизательным, но стоило перевести разговор на обыденные житейские темы, как глаза Гарви делались беспокойными и рассеянными. Если же речь заходила о революции и об Америке, он весь преображался. Он долго слушал молча, потом прерывал молчание какой-нибудь незначительной или шутливой репликой, что казалось наигранным, ибо противоречило тому, как он вел себя прежде. Но о войне, как и о своем отце, Гарви говорил только тогда, когда не мог от этого уклониться. Поверхностный наблюдатель счел бы, что главное место в его душе занимает жажда наживы, и, если вспомнить все, что мы знаем о нем, трудно представить себе более неподходящий объект для замыслов Кэти Хейнс.

Войдя в комнату, разносчик сбросил на пол свою ношу – теперь тюк достигал ему почти до плеч – и с подобающей вежливостью приветствовал семью мистера Уортона. Мистеру Харперу од молча отвесил поклон, не поднимая глаз от ковра, – капитана Уортона скрывала задернутая штора. Сара, поспешно поздоровавшись, устремила все свое внимание на тюк и несколько минут вместе с Бёрчем молча вытаскивала из него всевозможные предметы. Вскоре стол, стулья и пол были завалены кусками шелка, крепа, перчатками, кисеи и разными разностями, которые обычно продает бродячий торговец. Цезарь был занят тем, что придерживай края тюка, когда из него извлекали товары; иногда он помогал своей госпоже, обращая ее внимание на какую-нибудь роскошную ткань, благодаря своей пестрой расцветке казавшуюся ему особенно красивой. Наконец, отобрав несколько вещей и сторговавшись с разносчиком, Сара весело промолвила:

– Что же, Гарви, вы не рассказали нам никаких новостей? Наверное, лорд Корнваллис опять разбил мятежников?

Разносчик, видимо, не расслышал вопроса. Склонившись над тюком, он достал восхитительные тонкие кружева и предложил молодой леди полюбоваться ими. Мисс Пейтон уронила чашку, которую она мыла; хорошенькое личико Френсис высунулось из-за шторы, откуда раньше был виден только один веселый глазок, и щеки ее запылали такими красками, которые могли бы посрамить яркую шелковую ткань, ревниво скрывавшую фигурку девушки.

Тетка перестала мыть посуду, а Бёрч скоро сбыл изрядную часть своего дорогого товара. Сара и Дженнет так восторгались кружевами, что Френсис не выдержала и тихонько выскольз-

нула из ниши. Тут Сара с ликованием в голосе повторила свой вопрос; впрочем, ее радость была вызвана скорее удовольствием от удачной покупки, чем патриотическими чувствами. Младшая сестра снова села к окну и принялась изучать облака; между тем разносчик, видя, что от него ждут ответа, не спеша сказал:

– В долине поговаривают, будто Тарльтон разбил генерала Самтера на Тайгер-Ривер¹⁹.

Капитан Уортон невольно отодвинул штору и выставил голову, а Френсис, слушавшая разговор затаив дыхание, заметила, как мистер Харпер оторвал свои спокойные глаза от книги, которую он, казалось, читал, и посмотрел на Бёрча; выражение его лица выдавало, что он слушает с пристальным вниманием.

– Вот как! – торжествуя воскликнула Сара. – Самтер... Самтер... Кто он? Я и булавки не куплю, пока вы не расскажете все новости, – смеясь, продолжала она и бросила на стул кисею, которую только что разглядывала.

Несколько мгновений разносчик колебался; он взглянул на мистера Харпера, все еще сосредоточенно смотревшего на него, и его поведение вдруг резко изменилось. Бёрч подошел к камину и без всякого сожаления к начищенной до блеска решетке выплюнул на нее солидную порцию виргинского табака, после чего вернулся к своим товарам.

– Он живет где-то на Юге, среди негров, – отрывисто сказал разносчик.

– Он такой же негр, как и вы, мистер Бёрч, – язвительно прервал его Цезарь и в раздражении выпустил из рук края тюка.

– Ладно, ладно, Цезарь, нам теперь не до этого, – успокаивающе проговорила Сара, которой не терпелось услышать еще какие-нибудь новости.

– Черный человек не хуже белого, мисс Салли, если он хорошо себя ведет, – обиженно заметил слуга.

– А часто и гораздо лучше, – согласилась с ним госпожа. – Но скажите же, Гарви, кто он такой, этот мистер Самтер?

Легкая тень недовольства мелькнула на лице разносчика, но быстро исчезла, и он спокойно продолжал, будто раздосадованный негр и не прерывал разговора.

– Как я уже говорил, он живет на Юге, среди цветных (Цезарь тем временем снова взялся за тюк), и недавно между ним и полковником Тарльтоном произошло столкновение.

– И, конечно, полковник его разбил! – убежденно воскликнула Сара.

– Так говорят в войсках, стоящих в Моризании.

– А что говорите вы? – тихим голосом отважился спросить мистер Уортон.

– Я только повторяю то, что слышал, – ответил Бёрч и подал Саре штуку материи.

Девушка молча отбросила ее, очевидно решив узнать все подробности, прежде чем купить еще что-нибудь.

– Однако на равнинах толкуют, – продолжал разносчик, снова обводя глазами комнату и на мгновение останавливая взгляд на мистере Харпере, – что ранен был только Самтер и еще один или двое, а весь отряд регулярных войск²⁰ расколошматили ополченцы, засевшие в бревенчатом сарае.

– Это маловероятно, – презрительно сказала Сара. – Впрочем, не сомневаюсь, что мятежники прячутся за бревнами.

– По-моему, разумнее заслониться от пуль бревном, чем заслонить собой бревно, – невозмутимо отпарировал Бёрч и снова подал Саре штуку щелка.

---

¹⁹ Английский полковник Тарльтон нанес поражение американцам, которыми командовал генерал Самтер в штате Южная Каролина (1780).

²⁰ Войска английской армии называли регулярными в отличие от войск американской армии, созданной из партизанских отрядов и милиции (ополчения) штатов.

Мистер Харпер спокойно опустил глаза на книгу, которую держал в руках, а Френсис поднялась со стула и, улыбаясь, обратилась к разносчику таким приветливым тоном, какого он никогда прежде от нее не слышал:

– Нет ли у вас еще кружев, мистер Бёрч?

Кружева были немедленно извлечены из тюка, в Френсис тоже стала покупательницей. Она велела подать торговцу стакан вина; Бёрч с благодарностью осушил его за здоровье дам и хозяина коттеджа.

– Значит, полагают, что полковник Тарльтон разбил генерала Самтера? – спросил мистер Уортон, делая вид, будто склеивает чашку, разбитую его свояченицей в пылу возбуждения.

– Кажется, так считают в Моризании, – ответил Бёрч.

– А еще какие новости, дружище? – спросил молодой Уортон, снова выглядывая из-за шторы.

– Вы слышали, что майора Андре повесили? Капитан Уортон вздрогнул и, обменявшись весьма многозначительным взглядом с разносчиком, с деланным равнодушием сказал:

– Это произошло, видимо, несколько недель назад.

– А что, казнь наделала много шума? – спросил хозяин дома.

– Люди всякое болтают, сами знаете, сэр.

– А не ожидается ли в долине передвижения войск, опасного для путешественников, друг мой? – задал вопрос мистер Харпер и пристально посмотрел на Бёрча.

Несколько пачек лент выпало из рук разносчика; его лицо вдруг утратило свое напряженное выражение, и, глубоко задумавшись, он медленно ответил:

– Регулярная кавалерия выступила некоторое время назад, а когда я проходил мимо казармы де Ланей²¹, я видел, что солдаты чистили оружие; неудивительно, если они вскорости и двинутся, ведь виргинская кавалерия²² уже находится на юге Вест-Честера.

– А много у них солдат? – спросил мистер Уортон в тревоге, бросив возиться с чашкой.

– Я не считал.

Одна лишь Френсис заметила, как изменилось лицо Бёрча, а повернувшись к мистеру Харперу, увидела, что тот опять молча уткнулся в книгу. Френсис подняла ленты, положила их на место и нагнулась над товарами; пышные локоны заслонили ее лицо, вспыхнувшее румянцем, покрывшим даже шею.

– А я думала, что конница южан направилась к Делавару, – сказала она.

– Может, оно и так, – отозвался Бёрч, – я проходил мимо войск на расстоянии.

Между тем Цезарь выбрал себе кусок ситца с ярко-желтыми и красными полосами на белом фоне; полюбовавшись несколько минут материей, он со вздохом положил ее обратно, воскликнув:

– Очень красивый ситец!

– Верно, – сказала Сара. – Хорошее платье вышло бы для твоей жены, Цезарь.

– Да, мисс Салли! – вскрикнул восхищенный слуга. – У старой Дины сердце запрыгало бы от радости – очень хороший ситец.

– В таком платье Дина будет совсем как радуга, – добродушно вставил разносчик.

Цезарь жадными глазами смотрел на свою молодую госпожу, пока она не спросила у Гарви, сколько он хочет за ситец.

– Смотри с кого, – ответил разносчик.

– Сколько? – повторила удивленная Сара.

– Судя по тому, кто покупатель; для моей приятельницы Дины отдам за четыре шиллинга.

– Это слишком дорого, – сказала Сара, выбирая что-то еще для себя.

---

²¹ Де Ланей – командир ковбойского отряда.

²² Виргинская кавалерия – американская кавалерия, сформированная в штате Виргиния.

– Огромная цена за простой ситец, мистер Бёрч! – проворчал Цезарь, снова выронив края тюка.

– Тогда, скажем, три, если вам это больше нравится, – продолжал разносчик.

– Конечно, нравится больше, – с довольной улыбкой проговорил Цезарь и опять раскрыл тюк. – Мисс Салли нравится три шиллинга, если она дает, и четыре – если получает.

Торг был тут же заключен, но, когда ситец измерили, оказалось, что до десяти ярдов, нужных на рост Дины, немного недостает. Впрочем, опытный торговец ловко вытянул материю до желаемой длины, да еще добавил яркую ленту в тон, и Цезарь поспешил уйти, чтобы порадовать обновкой свою почтенную подругу.

Во время легкой суматохи, вызванной завершением сделки, капитан Уортон отважился снова отодвинуть штору и теперь, стоя у всех на виду, спросил у разносчика, начавшего собирать свои товары, когда тот вышел из города.

– На рассвете, – последовал ответ.

– Так поздно? – изумился капитан, но тотчас спохватился и продолжал уже более спокойно:

– И вам удалось в такой поздний час пройти мимо пикетчиков?

– Удалось, – коротко ответил Бёрч.

– Наверное, Гарви, вас теперь знают многие офицеры британской армии, – многозначительно улыбаясь, сказала Сара.

– Кое-кого из них и я знаю в лицо, – заметил Бёрч и, обводя комнату глазами, посмотрел на капитана Уортона, потом на миг задержал взгляд на лице мистера Харпера.

Мистер Уортон напряженно вслушивался в разговор; он совсем забыл о своем напускном равнодушии и так волновался, что раздавил куски чашки, которую столь усердно старался склеить. Когда разносчик затягивал на своем тюке последний узел, мистер Уортон вдруг спросил:

– Неужели враг снова начнет нас беспокоить?

– Кого вы называете врагом? – спросил разносчик и, выпрямившись, в упор посмотрел на мистера Уортона, который смутился и тут же опустил глаза.

– Всякого, кто нарушает наш покой, – вставила мисс Пейтон, заметив, что мистер Уортон не знает, что ответить. – Ну, а королевские войска уже двинулись с Юга?

– Весьма вероятно, что скоро двинутся, – ответил Бёрч, подняв с пола свой тюк и собираясь уходить.

– А континентальные войска, – тихим голосом продолжала мисс Лейтон, – скажите, континентальные войска находятся здесь, в Вест-Честере?

Гарви хотел сказать что-то в ответ, но открылась дверь, в появился Цезарь вместе со своей восхищенной супругой.

Короткие курчавые волосы Цезаря поседел с годами, и это придавало ему, особенно почтенный вид. Долгое и усердное применение гребенки выпрямило кудряшки надо лбом, и теперь его волосы стояли стоймя, как щетина, прибавляя ему добрых два дюйма роста. Его черная, в молодости лоснистая кожа потеряла блеск и стала темно-коричневой. Глаза, расставленные чересчур широко, были невелики и светились добротой, и лишь изредка, когда он чувствовал себя обиженным, их выражение менялось; Впрочем, сейчас они, казалось, плясали от восторга. Нос Цезаря в избытке обладал всеми необходимыми для обоняния свойствами, при этом с редкой скромностью не выпячивался вперед; ноздри были весьма объемисты, однако они не вытеснили щек. Непомерно велик был и рот, но двойной ряд жемчужных зубов примирил с этим недостатком. Цезарь был малого роста, мы сказали бы – он был квадратный, если бы углы и линия его фигуры отличались хоть какой-нибудь геометрической симметрией. Руки у него были длинные и мускулистые, с жилистыми кистями, серовато-черного цвета на тыльной стороне и линияло-розового на ладонях. Но пуше всего разгулялась природа, проявив свой

капризный нрав, когда создавала его ноги. Тут уж она и вовсе безрассудно извела материал. Икры находились не сзади и не спереди, а скорее сбоку и слишком высоко, так что казалось непонятным, как у него сгибаются колени. Если считать, что ступни – это фундамент, на котором покоится туловище, то на них Цезарь не имел причин сетовать; впрочем, они были повернуты к центру, и порой могло показаться, что их обладатель ходит задом наперед. Но какие бы недостатки ни обнаружил в его телосложении скульптор, сердце Цезаря Томпсона помещалось на своем месте, и мы не сомневаемся, что размеры его были такими, как это положено.

В сопровождении своей верной спутницы жизни Цезарь подошел к Саре и поблагодарил ее. Сара добродушно выслушала его, похвалила вкус мужа и заметила, что жене, наверное, материя пойдет. Френсис, лицо котором сияло не меньшим удовольствием, чем улыбающиеся физиономии Цезаря и его жены, предложила сама сшить Дине платье из этого чудесного ситца. Предложение было почтительно и с признательностью принято.

Разносчик ушел, а следом за ним – и Цезарь со своей супругой, но, закрывая дверь, негр не отказал себе в удовольствии произнести благодарственный монолог:

– Добрая маленькая леди, мисс Фанни... заботится о своем отце... и хочет шить платье для старой Дины...

Неизвестно, что еще сказал Цезарь в порыве чувств ибо он отошел на порядочное расстояние, и, хотя звук его голоса еще доносился, слов уже нельзя было разобрать. Мистер Харпер уронил книгу, с мягкой улыбкой наблюдая эту сцену, и Френсис восхитило его лицо, с которого глубокая задумчивость и озабоченность не могли согнать выражения доброты, этого лучшего свойства человеческой души.

Глава IV

*"Лицо таинственного лорда.
Его манеры, облик гордый,
Его осанка и движенья —
Все вызывало восхищенье;
Он был высокий и прямой.
Как грозный замок боевой,
И сколько мужества и силы
Его спокойствие хранило!
Когда случается беда,
Находят у него всегда
Поддержку, помощь и совет,
И хуже наказанья нет,
Чем заслужить его презренье"
Принцесса крикнула в волненье:
"Довольно! Это наш герой,
Шотландец с пламенной душой!"*

Вальтер Скотт

После ухода разносчика все долго молчали. Мистер Уортон услышал достаточно, чтобы его беспокойство еще усилилось, а опасения за сына ничуть не уменьшились. Мистер Харпер невозмутимо сидел на своем месте, а молодой капитан про себя желал ему провалиться в тартарары: мисс Пейтон спокойно убирала со стола, – всегда слабодушная, она теперь испытывала особенное удовольствие от сознания, что ей досталась немалая толика кружев; Сара аккуратно складывала свои обновки, а Френсис с полным пренебрежением к собственным покупкам заботливо помогала ей, как вдруг незнакомец прервал тишину;

– Я хотел сказать, что если капитан Уортон сохраняет свой маскарад из-за меня, то он напрасно тревожится. Будь у меня даже какие-нибудь причины выдать его, я все равно не смог бы этого сделать при нынешних обстоятельствах?

Младшая сестра, побледнев, в изумлении упала на стул, мисс Пейтон опустила поднос с чайным сервизом, который она в эту минуту сняла со стола, а потрясенная Сара словно онемела, позабыв о покупках, лежавших у нее на коленях. Мистер Уортон оцепенел; капитан на мгновение растерялся от неожиданности, потом выбежал на середину комнаты и, сорвав с себя принадлежности своего маскарадного костюма, воскликнул:

– Я верю вам всей душой, довольно играть эту утомительную комедию! Но я все-таки не понимаю, как вам удалось узнать, кто я.

– Право, же, вы куда красивее в своем собственном лице, капитан Уортон, – с легкой улыбкой сказал гость. – Я советовал бы вам никогда не пытаться его изменять. Уж одно это, – и он показал на висевший над камином портрет английского офицера в мундире, – выдало бы вас, а у меня были еще и другие основания для догадок.

– Я льстил себя надеждой, – смеясь, отозвался молодой Уортон, – что на полотне я красивее, чем в этом наряде. Однако вы тонкий наблюдатель, сэр.

– Необходимость сделала меня таким, – сказал мистер Харпер, поднимаясь с места.

У двери его догнала Френсис. Взяв его руку в свои и залившись ярким румянцем, она горячо сказала:

– Вы не можете... вы не выдадите моего брата!

На миг мистер Харпер остановился, молча любясь прелестной девушкой, потом прижал ее руки к своей груди и торжественно ответил:

– Не могу и не выдам. – Он ласково положил ей руку на голову и добавил:

– Если благословение чужого человека может принести вам благо, примите его.

Мистер Харпер повернулся и, низко поклонившись, вышел из комнаты с деликатностью, вполне оцененной теми, кого он успокоил.

Прямодушие и серьезность незнакомца произвели глубокое впечатление на все семейство, а его слова доставили всем, кроме отца, большое облегчение. Вскоре принесли одежду капитана, которую вместе с другими вещами доставили из города; молодой человек, освободившись от стеснявшей его маскировки, смог наконец предаться радостям встречи со своими близкими, ради которых он подвергал себя такой большой опасности.

Мистер Уортон ушел к себе заниматься своими обычными делами; с Генри остались одни дамы, в началась увлекательная беседа на темы, особенно для них приятные. Даже мисс Пейтон заразилась весельем своих юных родственников, и в течение часа все наслаждались непринужденным разговором, ни разу не вспомнив о том, что им, быть может, грозит опасность. Вскоре они стали вспоминать город и знакомых; мисс Пейтон, никогда не забывавшая приятных часов, проведенных в Нью-Йорке, спросила Генри об их старом приятеле, полковнике Уэлмире.

– О! – весело воскликнул молодой капитан. – Он по-прежнему в городе и, как всегда, красив и галантен.

Редкая женщина не покраснела бы, услышав имя человека, в которого если еще и не была влюблена, то готова была влюбиться, и к тому же предназначенного ей досужей молвой. Именно это случилось с Сарой; она потупяла глаза с улыбкой, которая вместе с румянцем, покрывшим ее щеки, сделала ее лицо еще прелестнее.

Капитан Уортон, не замечая смущения сестры, продолжал:

– Порой он грустит, и мы уверяем его, что это признак любви.

Сара подняла глаза на брата, потом посмотрела на тетку, наконец встретилась взглядом с Френсис, и та, добродушно смеясь, сказала:

– Бедненький! Неужели он влюблен безнадежно?

– Ну что ты, нет... как можно! Старший сын богатого человека, такой красивый, притом полковник!

– Вот уж действительно великие достоинства, особенно последнее! – деланно засмеявшись, заметила Сара.

– Позволь тебе сказать, – серьезно отозвался Генри, – чин полковника вещь весьма приятная.

– К тому же полковник Уэлмир весьма приятный молодой человек, – добавила младшая сестра.

– Оставь, Френсис, – сказала Сара, – полковник Уэлмир никогда не был твоим любимцем; он слишком предан королю, чтобы прийти тебе по вкусу.

– А Генри разве не предан королю? – тотчас отпарировала Френсис.

– Полно, полно, – сказала мисс Пейтон, – никаких разногласий насчет полковника – он мой любимец.

– Фанни предпочитает майоров! – вскричал Генри, усаживая младшую сестру себе на колени.

– Глупости! – возразила, покраснев, Френсис, стараясь вырваться из объятий смеющегося брата.

– Больше всего меня удивляет, – продолжал капитан, – что, добившись освобождения нашего отца, Пейтон не постарался задержать мою сестренку в лагере мятежников.

– Это могло бы угрожать его собственной свободе, – с лукавой улыбкой ответила девушка, садясь на прежнее место. – Ты ведь знаешь, что майор Данвуди борется за свободу.

– Свобода! – воскликнула Сара. – Хороша свобода, если вместо одного властителя выбирают пятьдесят!

– Право выбирать себе властителей уже и есть свобода.

– И порой дамы были бы не прочь пользоваться такой свободой, – сказал капитан.

– Прежде всего мы хотели бы иметь возможность выбрать того, кто нам по душе. Не правда ли, тетя Дженнет? – заметила Френсис.

– Ты обращаешься ко мне, – вздрогнув, проговорила мисс Пейтон. – Что я понимаю в таких вещах, дитя мое? Спроси кого-нибудь, кто в этом больше разбирается.

– Можно подумать, что вы никогда не были молоды! А рассказы о прелестной мисс Дженнет Пейтон?

– Вздор, все это вздор, моя дорогая, – сказала тетушка, сияясь улыбнуться. – Глупо верить всему, что говорят.

– Вы называете это вздором! – с живостью откликнулся капитан. – Генерал Монтроз²³ по сей день провозглашает тосты в честь мисс Пейтон – я сам это слышал всего лишь несколько недель назад за столом у сэра Генри.

– О Генри, ты такой же дерзкий, как твоя сестра! Хватит болтать глупости... Пойдемте, я покажу вам свои новые рукоделия, я осмелюсь сравнить их с товарами Бёрча.

Сестры и брат пошли вслед за тетушкой, довольные друг другом и всем миром. Когда они поднимались по ступенькам в комнатушку, где мисс Пейтон хранила всякие мелочи домашнего обихода, она все же улучила минуту и спросила племянника, не беспокоит ли генерала Монтроза подагра, как в былые дни их знакомства.

Горьким бывает разочарование, когда, став взрослыми, мы обнаруживаем, что даже самые любимые нами существа не лишены слабостей. Но, пока сердце юно и мысли о будущем не омрачены печальным опытом прошлого, наши чувства очень возвышенны; мы с радостью приписываем своим близким и друзьям достоинства, к которым сами стремимся, и добродетели, которые нас учили уважать. Доверчивость, с какой мы проникаемся уважением к людям, кажется присущей нашей натуре, а привязанность наша к родным полна чистоты, так редко сохраняющейся в дальнейшие годы. До самого вечера семья мистера Уортона наслаждалась давно не испытанным счастьем; для юных Уортонов это было счастье нежной любви друг к другу, откровенных дружеских излиятий.

Мистер Харпер появился лишь к обеду и, сославшись на какие-то занятия, ушел к себе в комнату, как только встали из-за стола. Несмотря на доверие, которое он завоевал, его уход всех обрадовал: ведь молодой капитан мог оставаться со своими родными не больше нескольких дней – причиной тому были короткий отпуск и опасение быть обнаруженным.

Впрочем, радость встречи вытеснила мысли о грозящей опасности. В течение дня мистер Уортон раза два высказывал сомнения насчет неизвестного гостя, беспокоясь, не выдаст ли тот каким-нибудь образом Генри; однако дети горячо возражали отцу; даже Сара, заодно с братом и сестрой, от всей души вступилась за незнакомца, заявив, что человек с такой наружностью не может оказаться неискренним.

– Наружность, дети мои, часто бывает обманчива, – заметил уныло отец. – Уж если люди, подобные майору Андре, пошли на обман, легкомысленно полагаться на добродетели человека, у которого, возможно, их гораздо меньше.

– Обман! – вскричал Генри. – Но вы забываете, отец, что майор Андре служил своему королю и обычаи войны оправдывают его поведение.

– А разве обычаи войны не оправдывают его казни? – тихим голосом спросила Френсис.

Она не хотела отступать от того, что считала, делом своей родины, и в то же время не могла заглушить в себе сострадание к этому человеку.

---

²³ Генерал Монтроз – английский генерал.

– Ни в коем случае! – возразил капитан и, вскочив с места, принялся быстро ходить взад и вперед. – Френсис, ты меня поражаешь! Допустим, что мне суждено сейчас попасть в руки мятежников. Значит, по-твоему, будет справедливо меня казнить... может быть, ты даже придешь в восторг от жестокости Вашингтона?

– Генри, – горестно сказала молодая девушка, бледнея и дрожа от волнения, – ты плохо знаешь мое сердце!

– Прости меня, сестренка, моя маленькая Фанни! – с раскаянием произнес юноша, прижав Френсис к груди и целуя ее лицо, залитое слезами.

– Я знаю, глупо обращать внимание на слова, сказанные в запальчивости, – подхватила Френсис, освобождаясь из рук брата и с улыбкой подняв на него свои еще влажные от слез глаза, – но очень горько слышать упреки от тех, кого мы любим, особенно... когда думаешь... когда уверена... – ее бледное лицо порозовело и, опустив взгляд на ковер, она тихим голосом произнесла: – ...что упреки незаслуженны.

Мисс Пейтон встала, под села к племяннице и, нежно взяв ее за руку, проговорила:

– Не надо так огорчаться. Твой брат очень вспыльчив, ты же знаешь сама, до чего несдержанны мальчишки.

– Если судить по тому, как я себя вел, можете добавить – и жестоки, – сказал капитан а сел рядом с Френсис с другой стороны. – Но смерть Андре всех нас необычайно волнует. Ты его не знала: он был олицетворением храбрости... всяческих достоинств... всего, что заслуживает уважения.

Френсис, чуть улыбнувшись, покачала головой, но ничего не ответила. Заметив тень недоверия на ее лице, Генри продолжал:

– Ты сомневаешься, ты оправдываешь его казнь?

– Я не сомневаюсь в его добродетелях, – мягко сказала девушка, – и уверена, что он заслуживал лучшей участи, но я не могу сомневаться и в справедливости поступка Вашингтона. Я мало знаю обычаи войны и хотела бы знать еще меньше, однако разве могли бы американцы надеяться на успех в своей борьбе, если бы они подчинялись порядкам, с давних пор установленным лишь в интересах англичан?

– А к чему эта борьба? – с возмущением заметила Сара. – Они мятежники, и все их действия незаконны.

– Женщины словно зеркала – в них отражаются те, кто стоит перед ними, – добродушно вставил молодой капитан. – Во Френсис я вижу образ майора Данвуди, а в Саре...

–...полковника Уэлмира, – со смехом, вся пунцовая, прервала младшая сестра. – Сознаться, своими убеждениями я обязана майору Данвуди... не правда ли, тетя Дженнет?

– Кажется, это в самом деле его взгляды, дитя мое.

– Признаю себя виновной. А ты, Сара, еще не забыла глубокомысленных рассуждений полковника Уэлмира?

– Я никогда не забываю того, что справедливо, – отозвалась Сара, соперничая цветом лица с сестрой, и встала, словно ей было жарко у камина.

Днем не произошло больше никаких происшествий, но вечером Цезарь объявил, что в комнате мистера Харпера слышались какие-то приглушенные голоса. Незнакомца поместили во флигеле напротив, гостиной, где обычно собиралась семья мистера Уортона, и, чтобы уберечь своего молодого господина от опасности, Цезарь установил постоянное наблюдение за гостем. Известие взволновало все семейство, но, когда появился сам мистер Харпер, обращение которого, несмотря на его сдержанность, свидетельствовало о доброте и прямодушии, подозрения у всех, кроме мистера Уортона, скоро рассеялись. Его дети и свояченица решили, что Цезарь ошибся, и вечер прошел без новых тревог.

Назавтра в полдень, когда все сидели за чайным столом в гостиной, погода наконец изменилась. Легкое облако, висевшее совсем низко над вершинами холмов, с бешеной скоростью

понеслось с запада на восток. Однако дождь продолжал яростно стучать в окна и небо на востоке оставалось темным и угрюмым. Френсис наблюдала за, разбушевавшейся стихией, с нетерпением молодости желая поскорее вырваться из томительного плена, как вдруг, словно по волшебству, все затихло. Свист ветра умолк, буря успокоилась. Подбежав к окну, девушка с радостью увидела яркий солнечный луч, озаривший соседний лес. Деревья пылали всем многообразием красок октябрьского убора, а на влажных листьях отражался ослепительный блеск американской осени. Обитатели дома тотчас вышли на южную террасу. Благоуханный воздух был мягок и живителен; на востоке над горизонтом в беспорядке громоздились страшные темные тучи, напоминая отступление разбитой армии. Низко над коттеджем с удивительной быстротой еще неслись на восток клочья тумана, а на западе солнце уже прорвалось сквозь тучи и излучало свое прощальное сияние на открывшийся внизу пейзаж и на блестящую, вымытую дождем зелень. Такие явления можно наблюдать лишь под небом Америки. Они радуют тем более, чем неожиданное контраст, когда, избавившись от непогоды, наслаждаешься мирным вечером и тихим воздухом, таким, какие бывают в самые мягкие июньские утра.

– Какая величественная картина! – произнес про себя мистер Харпер. – Как она величественна, как прекрасна! Скорей бы настал такой же покой для моей сражающейся родины, и пусть такой же сияющий вечер завершит день ее страданий!

Только Френсис, стоявшая с ним рядом, слышала эти слова. Она с удивлением посмотрела на него. Мистер Харпер стоял с непокрытой головой, выпрямившись, устремив взор к небу. Глаза его утратили выражение спокойствия, которое, казалось, было его характерной чертой; теперь они светились восторгом, и легкий румянец окрасил его щеки.

"Такого человека нечего бояться, – подумала Френсис. – Только благородным натурам дано так сильно чувствовать".

Раздумья маленького общества прервало неожиданное появление Бёрча; с первыми лучами солнца он поспешил к дому мистера Уортона. Гарви Бёрч шел быстрыми, крупными шагами, не разбирая луж, размахивая руками и выставив вперед голову – обычная походка бродячих торговцев.

– Славный вечер, – начал он и поклонился, не поднимая глаз. – На редкость теплый и приятный для этого времени года.

Мистер Уортон согласился с его замечанием и участливо спросил, как здоровье отца. Некоторое время разносчик стоял в угрюмом молчании; но, когда вопрос повторили, он ответил, сдерживая дрожь в голосе:

– Отец быстро угасает. Старость и тяжкая жизнь делают свое дело.

Гарви отвернулся, пряча от всех лицо, но Френсис заметила влажный блеск его глаз и дрожащие губы; во второй раз он поднялся в ее мнении.

Долина, в которой была расположена усадьба мистера Уортона, тянулась с северо-запада на юго-восток; дом стоял на косогоре, на северо-западном крае долины. Благодаря тому, что местность за холмом на противоположной стороне круто спускалась к побережью, за вершинами отдаленного леса можно было увидеть Зунд²⁴. Море, так недавно яростно бившееся о берег, посветлело и катило длинные спокойные валы, а легкий ветерок, дувший с юго-запада, нежно касался их гребней, будто помогая утихомириться волнению. Теперь можно было разглядеть на воде какие-то темные точки, которые то поднимались, то опускались и исчезали за продолговатыми волнами. Никто, кроме разносчика, этого не заметил. Он сидел на террасе недалеко от мистера Харпера и, казалось, забыл о цели своего прихода. Как только его блуждающий взгляд остановился на этих темных точках, он с живостью вскочил и стал внимательно глядеть на море. Потом он перешел на другое место, с видимым беспокойством посмотрел на мистера Харпера и сказал, подчеркивая каждое слово:

---

²⁴ Зунд – пролив, отделяющий остров Лонг-Айленд от острова Манхаттан.

– Регулярные части, должно быть, двинулись с юга.

– Почему вы так думаете? – нервно спросил капитан Уортон. – Дай бог, чтобы это было правдой: мне нужна охрана.

– Эти десять вельботов не шли бы так быстро, если бы их вел обычный экипаж.

– А может быть, – испуганно спросил мистер Уортон, – это... это континентальные войска возвращаются с острова?

– Нет, похоже, что регулярные, – многозначительно ответил торговец.

– Похоже? – повторил капитан. – Да ведь видны только точки.

Гарви не отозвался на это замечание; казалось, он обратился к самому себе, тихо проронив:

– Они вышли еще до бури... эти два дня стояли у острова... кавалерия тоже в пути... близ нас скоро начнется сражение.

Произнося свой монолог, Бёрч с явным беспокойством поглядывал на мистера Харпера, но по лицу этого джентльмена нельзя было узнать, представляют ли для него слова Бёрча какой-либо интерес. Он стоял молча, любуясь пейзажем, и, казалось, радовался перемене погоды. Однако, как только разносчик договорил, мистер Харпер обратился к хозяину дома и сказал, что дела не позволяют ему больше откладывать свой отъезд, поэтому он воспользуется прекрасным вечером, чтобы еще до наступления ночи сделать несколько миль пути.

Мистер Уортон выразил сожаление, что им приходится так скоро расстаться, но не посмел задерживать своего приятного гостя и тут же отдал необходимые распоряжения.

Беспокойство разносчика возрастало без всякой видимой причины; он то и дело поглядывал на южную сторону долины, словно ожидал оттуда беды. Наконец появился Цезарь, ведя на поводу великолепного коня, которому предстояло увезти мистера Харпера. Разносчик услужливо помог подтянуть подпругу и привязать к седлу дорожный мешок и синий плащ путешественника.

Но вот приготовления закончились, и мистер Харпер стал прощаться. С Сарой и тетушкой Дженнет он расстался сердечно и просто. Когда же он подошел к Френсис, на лице его появилось выражение какого-то особенно нежного чувства. Глаза повторили благословение, которое недавно вымолвили губы. У девушки вспыхнули щеки и сильно забило сердце. Хозяин дома и гость напоследок обменялись любезными фразами; капитану Уортону мистер Харпер приветливо протянул руку и внушительно сказал:

– Вы сделали рискованный шаг, который может иметь для вас очень неприятные последствия. Если это случится, я, возможно, смогу доказать свою благодарность вашей семье за доброту ко мне.

– Конечно, сэр, – в страхе за сына, позабыв о вежливости, вскрикнул мистер Уортон, – вы сохраните в тайне то, что узнали, находясь в моем доме!

Мистер Харпер быстро повернулся к старику; суровое выражение, появившееся на его лице, однако, сгладилось, он мягко ответил:

– Я не узнал в вашем доме ничего такого, чего не знал бы и раньше, однако теперь, когда мне известно, что ваш сын приехал, чтобы повидаться с близкими, он в большей безопасности, чем если бы я этого не знал.

Мистер Харпер поклонился семейству Уортон и, не сказав ничего разносчику, лишь коротко поблагодарил его за услуги, сел на коня, спокойно выехал через небольшие ворота и вскоре исчез за холмом, прикрывавшим долину с севера.

Разносчик следил взглядом за удаляющейся фигурой всадника, пока тот не скрылся из виду, потом облегченно вздохнул, словно избавившись от гнетущей тревоги. Все остальные молча размышляли о неизвестном госте и его неожиданном посещении, а мистер Уортон тем временем подошел к Бёрчу и сказал:

– Я ваш должник, Гарви, – я еще не заплатил за табак, который вы любезно привезли мне из города.

– Если он окажется хуже прежнего, – отозвался разносчик, устремив долгий взгляд туда, где исчез мистер Харпер, – то лишь потому, что теперь это редкий товар.

– Он мне очень нравится, – продолжал мистер Уортон, – но вы забыли назвать цену.

Выражение лица разносчика изменилось: глубокая озабоченность уступила место природной хитрости, и он ответил.

– Трудно сказать, какая ему теперь цена. Я полагаюсь на вашу щедрость.

Мистер Уортон достал из кармана пригоршню монет с изображением Карла III²⁵, зажал между большим и указательным пальцами три монеты и протянул их Бёрчу. Глаза разносчика засверкали, когда он увидел серебро; перекинув во рту с одной стороны на другую солидную порцию привезенного им товара, он невозмутимо протянул руку, и доллары²⁶ с приятным звоном посыпались ему на ладонь. Однако разносчику мало было мимолетной музыки, прозвучавшей при их падении; он покругил каждую монету по каменной ступеньке террасы и только потом доверил их громадному замшевому кошельку, который так проворно исчез с глаз наблюдателей, что никто не мог бы сказать, в какой части одежды Бёрча он скрылся.

Успешно выполнив столь существенную часть своей задачи, разносчик поднялся со ступеньки и подошел к капитану Уортону; держа под руки своих сестер, капитан что-то рассказывал, а они с живейшим интересом слушали его. Пережитые волнения потребовали нового запаса табака, без которого Бёрч не мог обходиться, и, прежде чем приступить к менее важному делу, он отправил в рот еще одну порцию. Наконец он резко спросил:

– Капитан Уортон, вы уезжаете сегодня?

– Нет, – коротко ответил капитан, нежно посмотрев на своих очаровательных сестер. – Неужели вы хотели бы, мистер Бёрч, чтобы я так скоро покинул их, когда, быть может, мне никогда больше не придется радоваться их обществу?

– Брат! – воскликнула Френсис. – Жестоко так шутить!

– Я полагаю, капитан Уортон, – сдержанно продолжал разносчик, – что теперь, когда буря улеглась и скиннеры зашевелились, вам лучше сократить свое пребывание дома.

– О, – воскликнул английский офицер, – несколькими гинейями я в любое время откуплюсь от этих негодяев, если они мне встретятся! Нет, нет, мистер Бёрч, я останусь здесь до утра.

– Деньги не освободили майора Андре, – холодно сказал торговец.

Сестры в тревоге повернулись к брату, и старшая заметила – Лучше последуй совету Гарви. Право же, в этих делах нельзя пренебрегать его мнением.

– Конечно, – подхватила младшая, – если мистер Бёрч, как я думаю, помог тебе пробраться сюда, то ради твоей безопасности и ради нашего счастья послушайся его, дорогой Генри.

– Я пробрался сюда один и один сумею вернуться назад, – настаивал капитан. – Мы договорились только, что он достанет мне все необходимое для маскировки и скажет, когда будет свободен путь; однако в этом случае вы ошиблись, мистер Бёрч.

– Ошибся, – отозвался разносчик, насторожившись, – тем больше у вас оснований вернуться нынче же ночью: пропуск, который я добыл, мог послужить только раз.

– А разве вы не можете сфабриковать другой?

Бледные щеки разносчика покрылись необычным для него румянцем, но он промолчал и опустил глаза.

– Сегодня я ночую здесь, и будь что будет, – упрямо добавил молодой офицер.

---

²⁵ Карл III – испанский король (1759–1788).

²⁶ Здесь речь идет об испанских долларах, имевших тогда хождение в Америке.

– Капитан Уортон, – с глубокой убежденностью и старательно подчеркивая слова, сказал Бёрч, – берегитесь высокого виргинца с громадными усами. Насколько мне известно, он где-то на юге, недалеко отсюда. Сам дьявол его не обманет; мне удалось провести его только раз.

– Пусть он бережется меня! – заносчиво сказал капитан. – А с вас, мистер Бёрч, я снимаю всякую ответственность.

– И вы подтвердите это письменно? – спросил осмотрительный разносчик.

– А почему бы и нет? – смеясь, воскликнул капитан. – Цезарь! Перо, чернила, бумагу – я напишу расписку в том, что освобождаю от обязанностей моего верного помощника Гарви Бёрча, разносчика и так далее и тому подобное.

Принесли письменные принадлежности, и, капитан очень весело, в шутиливом тоне, написал желаемый документ; разносчик взял бумагу, бережно положил ее туда, где были спрятаны изображения его католического величества, и, отвесив общий поклон, удалился прежней дорогой. Вскоре Уортоны увидели, как он прошел в дверь своего скромного жилища.

Отец и сестры были так рады задержке капитана, что не только не говорили, но отгоняли даже мысль о беде, которая могла с ним стрястись. Однако за ужином, поразмыслив хладнокровно. Генри изменил свое намерение. Не желая подвергаться опасности, выйдя из-под защиты родительского крова, он послал Цезаря к Бёрчу, чтобы условиться о новой встрече. Негр вскоре вернулся с неутешительным известием – он опоздал. Кэти сказала ему, что за это время Гарви прошел уже, наверное, несколько миль по дороге на север, он покинул дом с тюком за спиной, когда зажгли первую свечу. Капитану ничего больше не оставалось, как запастись терпением, рассчитывая, что утром какие-нибудь новые обстоятельства подскажут ему правильное решение.

– Этот Гарви Бёрч со своими многозначительными взглядами и зловещими предостережениями сильно беспокоит меня, – заметил капитан Уортон, очнувшись от раздумья и отгоняя мысли об опасности своего положения.

– Почему в такие тревожные времена ему позволяют свободно расхаживать взад и вперед? – спросила мисс Пейтон.

– Почему мятежники так просто отпускают его, я и сам не понимаю, – ответил племянник, – но ведь сэр Генри не даст волосу упасть с его головы.

– Неужели? – воскликнула Френсис, заинтересовавшись. – Разве сэр Генри Клинтон знает Бёрча?

– Должен знать, во всяком случае.

– А ты не считаешь, сынок, – спросил мистер Уортон, – что Бёрч может тебя выдать?

– О нет. Я думал об этом, прежде чем доверился ему; в деловых отношениях Бёрч, по видимому, честен. Да и зная, какая ему грозит опасность, если он вернется в город, он не совершит такой подлости.

– По-моему, – сказала Френсис в тон брату, – он не лишен добрых чувств. Во всяком случае, они порой проглядывают у него.

– О, – с живостью воскликнула старшая сестра, – он предан королю, а это, по-моему, первейшая добродетель!

– Боюсь, – смеясь, возразил ей брат, – что его страсть к деньгам сильнее любви к королю.

– В таком случае, – заметил отец, – пока ты во власти Бёрча, ты не можешь считать себя в безопасности – любовь не выдержит испытания, если предложить денег алчному человеку.

– Однако, отец, – развеселившись, сказал молодой капитан, – ведь есть же любовь, которая способна выдержать любое испытание. Правда, Фанни?

– Вот тебе свеча, не задерживай папу, он привык в это время ложиться.

Глава V

*Сухой песок и грязь болота —
И день и ночь идет охота,
Опасный лес, обрыв крутой, —
Ищейки Перси за спиной.
Пустынный Эск сменяет топи,
Погоня беглеца торопит,
И мерой мерит он одной
Июльский зной и снег густой,
И мерой мерит он одной
Сиянье дня и мрак ночной.*

Вальтер Скотт

В тот вечер члены семейства Уортон склонили головы на подушки со смутным предчувствием, что их привычный покой будет нарушен. Тревога не давала сестрам уснуть; всю ночь они почти не сомкнули глаз, а утром встали, совсем не отдохнув. Однако, когда они бросились к окнам своей комнаты, чтобы взглянуть на долину, там царила прежняя безмятежность. Долина сверкала в сиянии чудесного тихого утра, какие часто выдаются в Америке в пору листопада, — вот почему американскую осень приравнивают к самому прекрасному времени года в других странах. У нас нет весны; растительность не обновляется медленно и постепенно, как в тех же широтах Старого Света, — она словно распускается сразу. Но какая прелесть в ее умирании!. Сентябрь, октябрь, порой даже ноябрь и декабрь — месяцы, когда больше всего наслаждаешься пребыванием на воздухе; правда, случаются бури но и они какие-то особенные, непродолжительные, и оставляют после себя ясную атмосферу и безоблачное небо.

Казалось, ничто не могло нарушить гармонию и прелесть этого осеннего дня, и сестры спустились в гостиную с ожившей верой в безопасность брата и в собственное счастье.

Семья рано собралась к столу, и мисс Пейтон с той педантичной точностью, какая вырабатывается в привычках одинокого человека, мягко настояла на том, чтобы опоздание племянника не помешало заведенному в доме порядку. Когда явился Генри, все уже сидели за завтраком; впрочем, нетронутый кофе доказывал, что никому из близких отсутствие молодого капитана не было безразлично.

— Мне кажется, я поступил очень умно, оставшись, — сказал Генри, ответив на приветствия и усаживаясь между сестрами, — я получил великолепную постель и обильный завтрак, чего не было бы, доверься я гостеприимству знаменитого ковбойского отряда.

— Если ты мог уснуть, — заметила Сара, — ты счастливее меня и Френсис: в каждом ночном шорохе мне чудилось приближение армии мятежников.

— Что ж, сознаюсь, и мне было немного не по себе, — засмеялся капитан. — Ну, а как ты? — спросил он, повернувшись к младшей сестре, явной его любимице, и потрепал ее по щеке. — Ты, наверное, видела в облаках знамена и приняла звуки эоловой арфы мисс Пейтон за музыку мятежников?

— Нет, Генри, — возразила девушка, ласково глядя на брата, — я очень люблю свою родину, но была бы глубоко несчастна, если бы ее войска подошли к нам теперь.

Генри промолчал; ответив на любящий взгляд Френсис, он посмотрел на нее с братской нежностью и сжал ее руку.

Цезарь, который тревожился вместе со всей семьей и поднялся на заре, чтобы внимательно осмотреть окрестности, а теперь стоял, глядя в окно, воскликнул:

– Бежать... бежать, масса Генри, надо бежать, если любите старого Цезаря... сюда идут кони мятежников! – Он так побледнел, что его лицо стало почти белым.

– Бежать! – повторил английский офицер и гордо выпрямился по-военному. – Нет, мистер Цезарь, бегство не мое призвание!. – С этими словами он неторопливо подошел к окну, у которого, оцепенев от ужаса, уже стояли его близкие.

Примерно в миле от “Белых акаций” по одной из проезжих дорог цепочкой спускались в долину человек пятьдесят драгун. Впереди, рядом с офицером, ехал какой-то человек в крестьянской одежде и указывал рукой на коттедж. Вскоре от отряда отделилась небольшая группа всадников и понеслась в том направлении. Достигнув дороги, лежавшей в глубине долины, всадники повернули коней к северу.

Уортоны по-прежнему неподвижно стояли у окна и затаив дыхание наблюдали за всеми движениями кавалеристов, которые тем временем подъехали к дому Бёрча, визгом окружили его и сразу же выставили с десяток часовых. Два или три драгуна спешили и скрылись в доке. Через несколько минут они снова появились во дворе с ними была Кэти, и по ее отчаянной жестикуляции можно было понять, что дело шло отнюдь не о пустяках. Разговор со словоохотливой экономкой длился недолго; тут же подошли главные силы, драгуны передового отряда сели на коней, и все вместе понеслись галопом в сторону “Белых акаций”.

До сих пор никто из семейства Уортон не нашел в себе достаточно присутствия духа, чтобы подумать, как спасти капитана; только теперь, когда беда неминуемо надвигалась и нельзя было медлить, все начали поспешно предлагать разные способы укрыть его, но молодой человек с презрением отверг их, считая для себя унижительными. Уйти в лес, примыкавший к задней стороне дома, было поздно – капитана не преминули бы заметить, и конные солдаты несомненно догнали бы его.

Наконец сестры дрожащими руками натянули на него парик и все прочие принадлежности маскарадного костюма, бывшие на нем, когда он пришел в дом отца. Цезарь на всякий случай хранил их под рукой.

Не успели наскоро покончить с переодеванием, как по фруктовому саду и по лужайке перед коттеджем рассыпались драгуны, прискакавшие с быстротой ветра; теперь и дом мистера Уортона был окружен.

Членам семейства Уортон оставалось только приложить все усилия, чтобы спокойно встретить предстоящий допрос. Кавалерийский офицер соскочил с коня и в сопровождении двух солдат направился к входной двери. Цезарь медленно, с большой неохотой открыл ее. Следуя за слугой, драгун направился в гостиную; он подходил все ближе и ближе, и звук его тяжелых шагов все громче, отдавался в ушах женщин, кровь отливала от их лиц, а холод так сжимал им сердце, что они едва не потеряли сознание.

В комнату вошел мужчина исполинского роста, который говорил о его недюжинной силе. Он снял шляпу и поклонился с любезностью, никак не вязавшейся с его внешностью. Густые черные волосы в беспорядке падали на лоб, хотя и были посыпаны пудрой по моде того времени, а лицо почти закрывали уродовавшие его усы. Однако его глаза, хотя и пронизывающие, не были злыми, а голос, правда низкий и мощный, казался приятным.

Когда он вошел, Френсис осмелилась украдкой посмотреть на него и сразу догадалась, что это тот самый человек, от чьей прозорливости их так настойчиво предостерегал Гарви Бёрч.

– Вам нечего бояться, сударыни, – после короткого молчания сказал офицер, оглядев окружавшие его бледные лица. – Мне надо задать вам лишь несколько вопросов, и, если вы на них ответите, я немедленно покину ваш дом.

– А что это за вопросы? – пробормотал мистер Уортон, поднявшись с места и с волнением ожидая ответа.

– Останавливался ли у вас во время бури посторонний джентльмен? – продолжал драгун, в какой-то степени и сам разделяя явное беспокойство главы семьи.

– Этот джентльмен... вот этот... находился с нами, во время дождя и еще не уехал.

– Этот джентльмен! – повторил драгун и повернулся, к капитану Уортону. Несколько секунд он разглядывал капитана, и тревога на его лице сменилась усмешкой. С комической важностью драгун подошел к молодому человеку и, низко ему поклонившись, продолжал:

– Сочувствую вам, сэр, вы, наверное, жестоко простудили голову?

– Я? – с изумлением воскликнул капитан. – Я и не думал простужать голову.

– Значит, мне показалось. Я так решил, увидев, что вы покрыли такие красивые черные кудри безобразным старым париком. Извините меня, пожалуйста.

Мистер Уортон громко застонал, а дамы, не зная, что, собственно, известно драгуну, в страхе застыли на месте.

Капитан невольно протянул руку к голове и обнаружил, что сестры в панике убрали под парик не все его волосы. Драгун все еще с улыбкой смотрел на него. Наконец, приняв серьезный вид, он обратился к мистеру Уортону;

– Значит, сэр, надо понимать, что на этой неделе у вас не останавливался некий мистер Харпер?

– Мистер Харпер? – отозвался мистер Уортон, почувствовав, что с души у него свалилась огромная тяжесть. – Да, был... я совсем позабыл о нем. Но он уехал, и, если его личность чем-нибудь подозрительна, мы ничем не можем вам помочь – мы ничего о нем не знаем, он мне совершенно не знаком.

– Пусть его личность вас не беспокоит, – сухо заметил драгун. – Так, значит, он уехал... Как... когда и куда?

– Он уехал так же, как и явился, – ответил мистер Уортона, успокоенный словами драгуна. – Верхом, вчера вечером, и отправился по северной дороге.

Офицер слушал с глубоким вниманием. Его лицо осветилось довольной улыбкой, и, как только мистер Уортон замолчал, он повернулся на каблуках и вышел из комнаты. На этом основании Уортоны решили, что драгун собирается продолжать поиски мистера Харпера. Они увидели, как он появился на лужайке, где между ним и его двумя подчиненными завязался оживленный и, по-видимому, приятный разговор. Вскоре нескольким кавалеристам был отдан какой-то приказ, и они во весь опор разными дорогами умчались из долины.

Уортонам, с напряженным интересом следившим за этой сценой, не пришлось долго томиться в неизвестности – тяжелые шаги драгуна возвестили о том, что он возвращается. Войдя в комнату, он снова вежливо поклонился и, приблизившись к капитану Уортону, как прежде, с комической важностью сказал:

– Теперь, когда моя главная задача выполнена, я хотел бы, с вашего позволения, разглядеть ваш парик.

Английский офицер неторопливо снял с головы парик, протянул драгуну и, подражая его тону, заметил:

– Надеюсь, сэр, он вам понравился?

– Не могу этого сказать, не погрешив против истины, – ответил драгун. – Я отдал бы предпочтение вашим черным как смоль кудрям, с которых вы так тщательно стряхнули пудру. А эта широкая черная повязка, наверное, прикрывает ужасную рану?

– Вы, видимо, тонкий наблюдатель, сэр. Что ж, судите сами, – сказал Генри, сняв шелковую повязку и открыв ничуть не поврежденную щеку.

– Честное слово, вы хорошеете на глазах! – невозмутимо продолжал драгун. – Если бы мне удалось убедить вас сменить этот ветхий сюртук на великолепный синий, который лежит рядом на стуле, я был бы свидетелем самого приятного из всех превращений с той поры, как сам превратился из лейтенанта в капитана.

Генри Уортон очень спокойно сделал то, о чем его просили, и перед драгуном предстал очень красивый, изящно одетый молодой человек.

Драгун с минуту смотрел на него с присущей ему насмешливостью, потом сказал:

– Вот и новое лицо на сцене. Обычно в таких случаях незнакомые люди представляются друг другу. Я – капитан Лоутон из виргинской кавалерии.

– А я, сэр, капитан Уортон из шестидесятого пехотного полка его величества, – сухо поклонившись, сказал Генри, к которому вернулась его обычная уверенная манера держаться.

Выражение лица капитана Лоутона мгновенно изменилось, от его напускного чудачества не осталось и следа. Он посмотрел на капитана Уортона, который стоял выпрямившись, с надменностью, говорившей, что он не намерен больше таиться, и самым серьезным тоном промолвил:

– Капитан Уортон, мне жаль вас от всей души!

– Если вам его жаль, – в отчаянии воскликнул старый Уортон, – так зачем его преследовать, дорогой сэр! Он не шпион, только желание повидаться с близкими заставило его изменить свой внешний вид и уйти так далеко от своего полка в регулярной армии. Оставьте его с нами! Я с радостью вознагражу вас, я заплачу любые деньги!

– Сэр, только беспокойство за сына может извинить ваши слова, – высокомерно сказал капитан Лоутон. – Вы забыли, что я виргинец и джентльмен! – Обратившись к молодому человеку, он продолжал:

– А вы, капитан Уортон, разве не знали, что наши пикеты уже несколько дней стоят здесь, на юге долины?

– Я узнал об этом, только когда поравнялся с ними, но уже было поздно возвращаться, – хмуро ответил молодой человек. – Я пришел сюда, как сказал отец, чтобы повидаться с родными; я думал, что ваши части стоят у Пикскилла, недалеко от нагорья, иначе он не отважился бы на такой поступок.

– Возможно, что все это истинная правда, но дело Андре заставляет нас быть настороже. Когда в предательстве замешано командование, защитники свободы обязаны быть бдительными, капитан Уортон.

В ответ на это замечание Генри молча поклонился, а Сара решила сказать несколько слов в защиту брата. Драгунский офицер учтиво, даже сочувственно выслушал ее и, чтобы избежать бесполезных и неприятных для него просьб, успокоительно сказал:

– Я не командир отряда, сударыня. Майор Данвуди решит, как поступить с вашим братом; при любых обстоятельствах с ним обойдутся вежливо и мягко.

– Данвуди! – воскликнула Френсис, и бледность сменилась румянцем на ее испуганном лице. – Слава богу, значит, Генри спасен!

Капитан Лоутон смотрел на нее со смешанным выражением восхищения и сострадания, потом, недоверчиво покачав головой, добавил:

– Будем надеяться. С вашего разрешения, предоставим ему разобраться в этом деле.

Еще недавно бледное от беспокойства лицо Френсис засияло надеждой. Мучительный страх за брата уменьшился, но все же ее бросало в дрожь, она дышала часто и прерывисто, ею овладело необычайное волнение. Она подняла взгляд от пола, посмотрела на драгуна и тут же опять усталилась на ковер – она явно хотела что-то сказать, но не находила в себе силы вымолвить слово. Мисс. Пейтон внимательно наблюдала за племянницей. Держась с большим достоинством, она спросила:

– Это значит, сэр, что мы скоро будем иметь удовольствие видеть майора Данвуди?

– Немедленно, сударыня, – ответил драгун, отводя восхищенный взгляд от лица Френсис. – Гонцы, которые сообщат ему о случившемся, уже в дороге, а получив известие, он тотчас явится сюда в долину, если только по каким-нибудь особым причинам его посещение не доставит кому-нибудь неудовольствия.

– Мы всегда рады видеть майора Данвуди.

– Конечно, он всеобщий любимец. Могу я по этому случаю велеть моим солдатам спешиться и подкрепиться? Ведь они из его эскадрона.

Мистеру Уортону не понравилась эта просьба, и он отказал бы драгуну, но старику очень хотелось его задобрить, да и что толку отказывать в том, что, возможно, взяли бы силой. Итак, он подчинился необходимости и распорядился, чтобы желание капитана Лоутона было выполнено.

Офицеров пригласили позавтракать вместе с хозяевами: покончив со своими делами вне дома, они охотно приняли приглашение. Бдительные воины не забыли ни одной из мер предосторожности, которых требовало их положение. На отдаленных холмах кругом ходили дозорные, оберегая своих товарищей, и те, благодаря привычке к дисциплине и равнодушию к удобствам, могли наслаждаться покоем, несмотря на грозившую им опасность.

За столом мистера Уортона было трое чужих. Офицеры огрубели от каждодневной тяжелой службы, но у всех были манеры джентльменов, поэтому, хотя уединение семьи и было нарушено вторжением посторонних, правила приличия соблюдались со всей строгостью. Дамы уступили свои места гостям, и те без излишних церемоний принялись за завтрак, отдавая должное гостеприимству мистера Уортона.

Наконец капитан Лоутон, усиленно налегавший на гречневые лепешки, на миг остановился и спросил хозяина дома, нет ли сейчас в долине разносчика Гарви Бёрча, который иногда там бывает.

– Только иногда, сэра, – с опаской ответил мистер Уортон. – Он бывает здесь редко, а я его вовсе не вижу.

– Вот странно! – произнес драгун, пристально глядя на смущенного хозяина. – Ведь он ваш ближайший сосед и, казалось бы, должен был стать своим человеком в вашем доме, да и дамам было бы удобно, если бы он заходил к вам почаще. Я уверен, что за муслин, который лежит на стуле у окна, заплачено вдвое больше, чем спросил бы у вас Бёрч.

Мистер Уортон в замешательстве обернулся и увидел, что кое-какие покупки еще разбросаны по комнате.

Младшие офицеры с трудом удержались от улыбки, но капитан с таким усердием снова принялся за свой завтрак, что, казалось, он не рассчитывал еще раз когда-нибудь поесть вдоволь. Однако необходимость в подкреплении из кладовой Дины вызвала еще одну передышку, и капитан Лоутон не преминул ею воспользоваться.

– Я собирался побеспокоить мистера Бёрча в его уединении и утром побывал у него дома, – сказал он. – Если бы я его застал, то отправил бы в такое местечко, где ему не пришлось бы изнывать от скуки, во всяком случае на некоторое время.

– Что же это за место? – спросил мистер Уортон, полагая, что следует поддерживать разговор.

– Гауптвахта, – сдержанно ответил драгун.

– А в чем провинился бедный Бёрч? – спросила капитана мисс Пейтон, подавая ему четвертую чашку кофе.

– “Бедный”! – воскликнул драгун. – Ну, если он бедный, значит, король Георг плохо вознаграждает за услуги.

– Его величество, – заметил один из младших офицеров, – задолжал ему, наверное, титул герцога.

– А конгресс – веревку, – присовокупил капитан Лоутон, принимаясь за новую порцию лепешек.

– Я огорчен, что один из моих соседей навлек на себя немилость нашего правительства.

– Если я его поймаю, – крикнул драгун, намазывая маслом еще одну лепешку, – он у меня будет качаться на суку березы!

– Он послужит недурным украшением для собственного дома, если будет висеть у входа, – добавил младший офицер.

– Как бы там ни было, – продолжал драгун, – он попадется мне раньше, чем я стану майором.

Офицеры – это было совершенно очевидно – не шутили, и говорили они языком, каким свойственно выражаться людям их грубой профессии, когда они раздражены, и Уортоны решили, что благоразумнее переменить тему. Ни для кого из них не было секретом, что Гарви Бёрч на подозрении у американской армии и что его не оставляют в покое. О том, как он неоднократно оказывался за решеткой и так же часто ускользал из рук американцев при весьма загадочных обстоятельствах, слишком много толковали в округе, чтобы можно было это забыть. В сущности, раздражение капитана Лоутона в немалой степени было вызвано последним необъяснимым побегом разносчика, когда капитан поручил караулить его двум самым верным своим солдатам.

Примерно за год до описываемых событий Бёрча видели у штаб-квартиры американского главнокомандующего, как раз в то время, когда ежечасно ждали важных передвижений войск. Как только об этом доложили офицеру, которому была доверена охрана дорог, ведущие к американскому лагерю, он тотчас послал вдогонку за разносчиком капитана Лоутона.

Знакомый со всеми горными переходами, неумолимый при исполнении своих обязанностей, капитан ценою огромных усилий и трудов выполнил возложенную на него задачу. С небольшим отрядом он остановился передохнуть на одной ферме, собственноручно запер пленника в отдельной комнате и оставил под охраной двух солдат, как уже было сказано выше. Потом припоминали, что недалеко от караульных какая-то женщина усердно хлопотала по хозяйству; особенно старалась она угодить капитану, когда тот со всей основательностью уселся ужинать.

И женщина и разносчик исчезли; найти их не удалось. Обнаружили только короб, раскрытый и почти пустой, а маленькая дверца, ведущая в комнату, смежную с той, в которой заперли разносчика, была распахнута настежь.

Капитан Лоутон никак не мог примириться с тем, что его одурачили. Он и прежде яростно ненавидел врага, а это оскорбление уязвило его особенно глубоко. Капитан сидел в мрачном молчании, размышляя о побеге своего бывшего пленника и машинально продолжая поглощать завтрак, хотя прошло уже порядочно времени и он мог бы наесться досыта. Вдруг по долине прокатился звук трубы, игравшей воинственную мелодию. Капитан мгновенно встал из-за стола и крикнул:

– Джентльмены, по коням, это Данвуди! – и в сопровождении младших офицеров выбежал из дома.

Все драгуны, кроме часовых, оставленных караулить капитана Уортона, вскочили на лошадей и понеслись навстречу своим товарищам. Лоутон не забыл принять все необходимые меры предосторожности – в этой войне нужна была удвоенная бдительность, так как враги говорили на одном языке и не отличались друг от друга ни видом, ни обычаями. Приблизившись к отряду кавалерии, вдвое большому, чем его отряд, так, что уже можно было различить лица, капитан Лоутон прищпорил коня и через минуту оказался подле своего командира.

Лужайку перед домом мистера Уортона снова заполнили кавалеристы; соблюдая те же предосторожности, вновь прибывшие поспешили разделить со своими товарищами приготовленное для них угощение.

Глава VI

*Великими победами своими
Прославлены навеки полководцы,
Но только тот действительно герой,
Кто, восхищаясь женской красотой,
Способен с ее чарами бороться.*

Мур

Дамы семейства Уортон собрались у окна и с глубоким вниманием наблюдали за описанной нами сценой.

Сара смотрела на своих соотечественников с улыбкой, полной презрительного равнодушия; ей не хотелось отдавать должное даже внешнему виду людей, вооружавшихся, как она считала, во имя дьявольского дела – мятежа. Мисс Пейтон любовалась великолепным зрелищем, гордая тем, что это были воины отборных полков ее родной колонии; а Френсис волновало лишь одно чувство, захватившее ее всю целиком.

Отряды не успели еще соединиться, как острый глаз девушки выделил из всех прочих одного всадника. Даже лошадь этого молодого воина, казалось ей, сознавала, что она несет на себе человека необыкновенного. Копыта чистокровного боевого коня едва касались земли – такой легкой и плавной была его поступь.

Драгун сидел в седле с непринужденным спокойствием, показывавшим, что он уверен в себе и в своей лошади; в его высокой, стройной, мускулистой фигуре ощущались и сила и ловкость. Именно этому офицеру рапортовал Лоутон, и они въехали бок о бок на лужайку перед домом мистера Уортона.

Командир отряда на мгновение задержался и окинул взглядом дом. Несмотря на разделявшее их расстояние, Френсис разглядела его черные блестящие глаза; сердце ее забило так сильно, что у нее перехватило дыхание. Когда всадник соскочил с коня, она побледнела и, почувствовав, что у нее подгибаются колени, должна была присесть на стул.

Офицер наскоро отдал распоряжения своему помощнику и быстро пошел по лужайке к дому. Френсис встала и покинула комнату. Он поднялся по ступенькам террасы и только коснулся входной двери, как она уже распахнулась перед ним.

Френсис уехала из города еще совсем юной, и ей не пришлось приносить в жертву тогдашней моде свою природную красоту. Ее роскошные золотистые волосы не были истерзаны щипцами парикмахера: они падали на плечи естественными, как у детей, локонами и обрамляли лицо, сиявшее очарованием молодости, здоровья и простодушия. Глаза ее говорили красноречивее всяких слов, но губы молчали; она протянула вперед свои сложенные руки, и ее склоненная в ожидании фигурка была так прелестна, что Данвуди на миг безмолвно застыл на месте.

Френсис молча проводила его в комнату напротив той, в которой собрались ее родные, живо обернулась к нему и, вложив обе свои руки в его руку, доверчиво промолвила:

– О Данвуди, как я счастлива, что вижу вас, счастлива по многим причинам! Я привела вас сюда, чтобы предупредить, что в соседней комнате друг, которого вы не ожидаете здесь встретить.

– Каковы бы ни были причины, – воскликнул молодой человек, целуя ее руки, – я очень рад, что мы с вами наедине, Френсис! Испытание, которому вы подвергли меня, жестоко; война и жизнь вдалеке друг от друга могут вскоре разлучить нас навеки.

– Мы должны подчиняться необходимости, она сильнее нас. Но теперь не время для разговоров о любви; я хочу сказать вам о другом, более важном деле.

– Но что может быть важнее неразрывных уз, которые сделают вас моей женой! Френсис, вы холодны ко мне... к тому, кто в дни суровой службы и в тревожные ночи ни на миг не забывал ваш образ.

– Дорогой Данвуди, – растроганная до слез Френсис опять протянула ему руку, и ее щеки снова загорелись ярким румянцем, – вы знаете мои чувства... Кончится война, и ничто не помешает вам взять эту руку навеки... Но, пока в этой войне вы противник моего единственного брата, я никогда не соглашусь связать себя с вами узами более тесными, чем узы нашего родства. Вот и сейчас мой брат ждет вашего решения: вернете ли вы ему свободу или пошлете на верную смерть.

– Ваш брат! – вздрогнув и побледнев, вскрикнул Данвуди. – Объясните... что за страшный смысл кроется в ваших словах?

– Разве капитан Лоутон не сказал вам, что сегодня утром он арестовал Генри? – еле слышно продолжала Френсис, устремив на жениха взгляд, полный тревоги.

– Он доложил мне, что задержал переодетого капитана шестидесятого полка, не сказав, где и когда, – так же тихо ответил майор и, опустив голову, закрыл лицо руками, пытаясь скрыть свои чувства.

– Данвуди, Данвуди! – теряя всю свою уверенность, воскликнула Френсис, вдруг охваченная мрачным предчувствием. – Что означает ваше волнение?

Когда майор поднял лицо, выражающее самое глубокое сострадание, она продолжала:

– Конечно, конечно, вы не выдадите своего друга, вы не допустите, – чтобы мой брат... ваш брат... умер позорной смертью.

– Френсис! – с мукой в голосе воскликнул молодой человек. – Что я могу сделать?

– Сделать! – повторила Френсис, глядя на него безумными глазами. – Неужели майор Данвуди отдаст в руки врагов своего друга... брата своей будущей жены?

– О, не говорите со мной так сурово, дорогая мисс Уортон... моя Френсис! Я готов отдать жизнь за вас... за Генри... но я не могу нарушить свой долг, не могу забыть о своей чести. Вы первая презирали бы меня, если бы я так поступил.

– Пейтон Данвуди, – произнесла Френсис, и ее лицо покрылось пепельной бледностью, – вы говорили мне... вы клялись, что любите меня..

– Я люблю вас! – горячо сказал молодой человек. Но Френсис знаком остановила его и продолжала дрожащим от негодования голосом:

– Неужели вы думаете, что я стану женой человека, обагрившего руки кровью моего единственного брата!

– Френсис, вы разрываете мне сердце! – сказал майор и замолчал, чтобы совладать с собою; потом, сиюсь улыбнуться, добавил:

– В конце концов, может быть, мы напрасно терзаем себя опасениями. Возможно, что, когда я узнаю все обстоятельства, окажется, что Генри военнопленный, и только; тогда я смогу отпустить его на честное слово.

Нет чувства более обманчивого, чем надежда, и, видимо, молодости принадлежит счастливое преимущество наслаждаться всеми радостями, какие она может принести. А чем больше мы сами достойны доверия, тем более склонны доверять другим и всегда готовы думать, что произойдет то, на что мы уповаем.

Смутная надежда молодого воина была выражена скорее взглядом, чем словами, но кровь снова прилила к щекам подавленной горем девушки, и она промолвила:

– О, конечно, нет никаких оснований для сомнения. Я знала... знаю... вы никогда не оставите нас в нашей страшной беде!

Френсис не смогла справиться с охватившим ее волнением и залилась слезами.

Одна из самых приятных привилегий любви – это обязанность утешать тех, кого мы любим; и, хотя проблеск надежды, мелькнувший перед ним, не очень успокоил майора Дан-

вуди, он не стал разочаровывать милую девушку, прильнувшую к его плечу. Он вытирал слезы на ее лице, и к ней вернулась вера в безопасность брата и в покровительство жениха.

Когда Френсис оправилась и овладела собой, она поспешила проводить майора Данвуди в гостиную и сообщить родным приятную новость, которую уже считала достоверной.

Майор неохотно пошел за ней, предчувствуя беду, но через несколько мгновений он был уже в кругу родственников и старался собрать все свое мужество, чтобы с твердостью встретить предстоящее испытание.

Молодые офицеры поздоровались сердечно и искренне. Капитан Уортон держался так, точно не случилось ничего, что могло бы поколебать его самообладание.

Между тем неприятная мысль, что он сам в какой-то мере причастен к аресту капитана Уортона, смертельная опасность, грозившая его другу и надрывавшие сердце слова Френсис породили в душе майора Данвуди тревогу, которую, несмотря на все свои старания, он не мог скрыть. Остальные члены семейства Уортон приняли его тепло и по-дружески – они были к нему привязаны и не забыли об услуге, которую он недавно им оказал; к тому же выразительные глаза и зардевшееся лицо девушки, вошедшей вместе с ним, красноречиво говорили, что они не обманутся в своих ожиданиях. Поздоровавшись с каждым в отдельности, Данвуди кивком головы приказал уйти солдату, которого осторожный капитан Лоутон приставил к арестованному молодому Уортону, потом повернулся к нему и приветливо спросил:

– Скажи мне, Генри, при каких обстоятельствах ты перерядился в тот костюм, в котором тебя застал здесь капитан Лоутон, и помни... помните, капитан Уортон, что ответы вы даете совершенно добровольно.

– Я это сделал, майор Данвуди, – серьезно ответил английский офицер, – чтобы иметь возможность навестить своих близких, не подвергаясь опасности попасть в плен.

– Но вы переоделись только тогда, когда увидели, что приближается отряд Лоутона?

– Да, да, – с жаром вмешалась Френсис, в тревоге за брата забыв обо всех подробностях, – мы с Сарой переодели Генри, когда показались драгуны; его узнали лишь благодаря нашей неловкости.

Данвуди слушал объяснения Френсис, глядя на нее с любовью, и лицо его просветлело.

– Вероятно, вещи, которые вы дали ему, были у вас в доме, – продолжал Данвуди, – вы схватили в последнюю минуту то, что попало вам под руку?

– Нет, все это было на мне, когда я уходил из Нью-Йорка, – с чувством собственного достоинства сказал капитан Уортон. – Я раздобыл эти вещи именно для этой цели и намеревался сегодня в таком же виде вернуться в город.

Увлеченная горячим чувством, Френсис стояла между братом и женихом, но, когда истина блеснула в ее сознании, она с ужасом отпрянула и опустилась на стул, глядя на молодых людей широко открытыми глазами.

– А пикеты... отряды на равнинах? – побледнев, спросил Данвуди.

– Я прошел мимо них переодетый. Я показал им пропуск, который я купил, а так как на нем стоит подпись Вашингтона, надо полагать, что он поддельный.

Данвуди выхватил из рук капитана бумагу и некоторое время молча смотрел на подпись. Теперь воинский долг заставил его забыть обо всем остальном; повернувшись лицом к пленнику, он спросил, испытующе глядя на него:

– Капитан Уортон, кто вам дал эту бумагу?

– Я полагаю, такой вопрос вы не имеете права задавать, майор Данвуди.

– Извините, сэр, возможно, что мои чувства завели меня слишком далеко.

Мистер Уортон, который с глубоким волнением прислушивался к разговору, нашел в себе силы спросить:

– Ведь эта бумага не может иметь серьезного значения, майор Данвуди: на войне постоянно прибегают к таким уловкам.

– Подпись не подделана, – разглядывая буквы, тихим голосом сказал драгун. – Неужели среди нас скрывается предатель? Кто-то злоупотребил доверием Вашингтона: вымышленное имя написано не той рукой, которой написан пропуск. Капитан Уортон, мой долг не позволяет мне отпустить вас на честное слово – вам придется отправиться со мной в нагорье.

– Другого я и не ожидал, майор Данвуди.

Драгун медленно повернулся к сестрам, и Френсис опять приковала к себе его взгляд. Она поднялась со стула и стояла, с мольбой протягивая к нему руки. Не в силах сдержать свое волнение, молодой человек порывисто сказал, что вынужден на время отлучиться, и покинул комнату. Френсис вышла за ним, и, подчиняясь ее взгляду, Данвуди опять вошел в комнату, где происходил первый разговор.

– Майор Данвуди, – едва слышно произнесла Френсис, жестом предлагая ему сесть.

Ее бледные щеки покрыл румянец, вскоре заливший все лицо. Несколько мгновений она боролась с собой, потом продолжала:

– Я уже призналась, что вы мне очень дороги, и даже сейчас, когда вы причиняете мне такие жестокие страдания, я не хочу этого скрывать. Поверьте, единственная вина Генри в том, что он поступил опрометчиво. Наша родина не может быть несправедливой.

Она опять умолкла и почти задыхалась, то бледнея, то краснея; потом кровь бросилась ей в лицо, и она тихо добавила:

– Майор Данвуди, я обещала стать вашей женой, как только на родине воцарится мир. Отпустите брата под честное слово, и я сегодня же пойду с вами к алтарю, отправлюсь в ваш лагерь и, сделавшись вашей женой, научусь переносить все тяготы солдатской жизни.

Данвуди схватил руку, которую девушка в порыве чувств протянула ему, на мгновение прижал ее к груди, потом встал и, глубоко взволнованный, принялся ходить взад и вперед по комнате.

– Умоляю вас, Френсис, ни слова больше, если вы не хотите разбить мне сердце!

– Значит, вы отказываетесь от моей руки? – поднявшись, сказала она с достоинством, но ее бледность и дрожащие губы говорили о том, какая сильная борьба происходит в ней.

– Отказываюсь! Разве я не молил вашего согласия, не молил со слезами? Разве оно не венец всех моих желаний на земле? Но жениться на вас при таких обстоятельствах было бы бесчестием для нас обоих. Будем надеяться, что наступят лучшие времена. Генри должны оправдать, быть может, его даже не станут судить. Я буду для него самым преданным заступником, не сомневайтесь в этом и верьте мне, Френсис, Вашингтон благоволит ко мне.

– Но этот пропуск, злоупотребление доверием, на которое вы ссылались, ожесточат Вашингтона против моего брата. Если бы мольбы и угрозы могли поколебать его суровое представление о справедливости, разве погиб бы Андре? – С этими словами Френсис в отчаянии выбежала из комнаты.

С минуту Данвуди стоял как оглушенный, потом вышел, намереваясь оправдать себя в глазах девушки и успокоить ее. В передней, разделявшей обе гостиные, он натолкнулся на оборванного ребенка, который, быстро оглядев его, сунул ему в руку клочок бумаги и тут же исчез. Все это произошло мгновенно, и взволнованный майор успел лишь заметить, что посыльный был бедно одетым деревенским мальчуганом; в руке он держал городскую игрушку и смотрел на нее с такой радостью, словно сознавал, что честно заработал награду за выполненное поручение. Данвуди опустил глаза на записку. Она была написана на обрывке грязной бумаги, малоразборчивым почерком, однако ему удалось прочитать следующее: “Регулярные подходят – кавалерия и пехота”.

Данвуди вздрогнул. Позабыв обо всем, кроме обязанностей воина, он поспешно покинул дом Уортонов. Быстро направившись к своему эскадрону, он увидел на одном из отдаленных холмов мчавшегося галопом конного часового; прогрехотало несколько выстрелов, и в следующее мгновение раздался призывный трубный звук: “К оружию!” Когда майор достиг своего

эскадрона, там все было в движении. Капитан Лоутон верхом на лошади, пристально глядя на противоположный край долины, отдавал приказанья музыкантам, и его могучий голос гремел так же сильно, как и медные трубы.

– Громче трубите, ребята, пусть, англичане знают, что тут их ждет конец – виргинская кавалерия не пропустит их дальше!

Отовсюду начали стекаться разведчики и патрульные; один за другим они быстро рапортовали командиру, и он отдавал четкие приказанья с уверенностью, исключавшей и мысль о неповиновении. Только раз, повернув коня в сторону луга, раскинувшегося против “Белых акаций”, Данвуди решился бросить взгляд на дом, и его сердце сильно забилося, когда он увидел фигуру женщины: она стояла заломив руки у окна той комнаты, где он виделся с Френсис. Расстояние было слишком велико, чтобы разглядеть ее черты, но майор не сомневался, что это была его невеста. Бледность скоро сошла с его лица, и взгляд утратил выражение печали. Когда Данвуди подъезжал к месту, где, как он думал, должна была произойти битва, на его загорелых щеках появился румянец. Солдаты, смотревшие в лицо своего командира, как в зеркало, отражающее их собственную участь, с радостью увидели, что он полон воодушевления и в его глазах горит огонь, как это всегда бывало перед боем. После возвращения дозорных и находившихся в отсутствии драгун численность кавалерийского отряда достигла почти двухсот человек. Кроме того, была еще небольшая группа крестьян, обычно служивших проводниками; они были вооружены и в случае надобности вливались в отряд в качестве пехотинцев: теперь они по приказу майора Данвуди разбирали заборы, которые могли помешать движению кавалерии. Пехотинцы быстро и успешно справились с этим делом и вскоре заняли место, отведенное им в предстоящем бою.

От своих разведчиков Данвуди получил все сведения о неприятеле, необходимые ему для дальнейших распоряжений. Долина, на которой майор намеревался развернуть военные действия, понижалась от подножия тянувшихся по обеим ее сторонам холмов до середины; здесь она переходила в пологий естественный луг, на котором извивалась небольшая речушка, порой разливавшаяся и удобрявшая его. Эту речку можно было легко перейти вброд: только в одном месте, где она сворачивала на восток, ее берега были обрывисты и мешали движению конницы. Тут через речку был переброшен простой деревянный мост, такой же, как тот, что находился в полумиле от “Белых акаций”.

Крутые холмы, окаймлявшие долину с восточной стороны, местами врезались в нее скалистыми выступами, чуть ли не вдвое сужая ее. Тыл кавалерийского эскадрона находился поблизости от группы таких скал, и Данвуди приказал капитану Лоутону отойти с двумя небольшими отрядами под их прикрытие. Капитан повиновался угрюмо и нехотя; впрочем, его утешала мысль о том, какое страшное действие произведет на врага его внезапное появление со своими солдатами. Данвуди хорошо знал Лоутона и послал его именно туда, так как опасался его горячности в бою, но в то же время не сомневался, что он будет тут как тут, как только понадобится его помощь. Капитан Лоутон мог забыть об осторожности только в виду неприятеля; во всех других случаях жизни выдержка и проницательность оставались отличительными чертами его характера (правда, когда ему не терпелось вступить в бой, эти качества ему порой изменяли). По левому краю долины, где Данвуди предполагал встретить неприятеля, примерно на милю тянулся лес. Туда отошли пехотинцы и заняли позицию неподалеку от опушки, откуда было удобно открыть рассеянный, но сильный огонь по приближающейся колонне англичан.

Конечно, не следует думать, что все эти приготовления остались незамеченными обитателями “Белых акаций”; напротив, эта картина вызывала в них самые разнообразные чувства, какие только могут волновать сердца людей. Один мистер Уортон не ждал для себя ничего утешительного, каков бы ни был исход сражения. Если победят англичане, его сын будет освобожден, но какая судьба ждет его самого? До сих пор ему удавалось держаться в стороне при самых затруднительных обстоятельствах. Его имущество чуть было не пошло с молотка из-

за того, что сын служил в королевской, или, как ее называли, регулярной, армии. Покровительство влиятельного родственника, занимавшего в штате видный политический пост, и собственная неизменная осторожность уберегли мистера Уортона от такой беды. В душе он был убежденным сторонником короля; однако, когда прошлой весной, после возвращения из американского лагеря, раскрасневшаяся Френсис объявила ему о своем намерении выйти замуж за Данвуди, мистер Уортон дал согласие на брак с мятежником не только потому, что желал своей дочери счастья, но и потому, что больше всего ощущал потребность в поддержке республиканцев. Если бы теперь англичане спасли Генри, общественное мнение сочло бы, что отец с сыном действовали заодно против свободы штатов; если же Генри останется в плену и предстанет перед судом, последствия будут еще ужаснее. Как ни любил мистер Уортон богатство, своих детей он любил еще больше. Итак, он сидел, наблюдая за движением войск, и рассеянное, безучастное выражение лица выдавало слабость его характера.

Совершенно иные чувства волновали сына. Капитана Уортона поручили охране двух драгун; один из них ровным шагом ходил взад и вперед по террасе, другому велели находиться неотлучно при пленнике. Молодой человек наблюдал за распоряжениями Данвуди с восхищением, к которому примешивались серьезные опасения за своих друзей. Особенно ему не нравилось, что в засаде засел отряд под командой капитана Лоутона, – из окон дома было отчетливо видно, как тот, желая умерить свое нетерпение, шагает перед рядами своих солдат. Генри Уортон несколько раз окидывал комнату быстрым испытующим взглядом, в надежде найти возможность бежать, но неизменно встречал глаза часового, устремленные на него с бдительностью Аргуса. Со всем пылом молодости Генри Уортон рвался в бой, однако вынужден был оставаться пассивным зрителем сцены, в которой с радостью стал бы действующим лицом.

Мисс Пейтон и Сара смотрели на приготовления к битве, испытывая самые разнообразные чувства, и наиболее сильным из них была тревога за капитана; но, когда женщинам показалось, что близится начало кровопролития, они с присущей им пугливостью ушли подальше, в Другую комнату. Не такой была Френсис. Она вернулась в гостиную, где недавно рассталась с Данвуди, и с глубоким волнением следила из окна за каждым его шагом. Она не замечала ни грозных сборов к битве, ни перемещения войск – перед глазами у нее был лишь тот, кого она любила, и она глядела на него с восторгом и в то же время цепенея от ужаса. Кровь прилила к ее сердцу, когда молодой воин проехал перед солдатами, воодушевляя и ободряя каждого; черед минуту она вся похолодела при мысли, что отвага, которой она так восхищается, быть может, разверзнет могилу между ней и любимым. Френсис не отрывала от него глаз, пока у нее хватало сил.

На лугу, слева от дома мистера Уортона, в тылу войска, стояло несколько человек, занятых совсем другим делом, чем все остальные. Их было трое: двое взрослых мужчин и мальчик-мулат. Главным среди них был высокий мужчина, такой тощий, что он выглядел великаном. Безоружный, в очках, он стоял возле своей лошади и, казалось, уделял одинаковое внимание сигаре, книге и тому, что происходило на равнине перед его взором. Этим людям Френсис и решила послать записку, адресованную Данвуди. Торопясь, она набросала карандашом: “Зайдите ко мне, Пейтон, хотя бы на минутку”. Из подвала, где помещалась кухня, вышел Цезарь и стал осторожно пробираться вдоль задней стены коттеджа, чтобы не попасться на глаза шагавшему по веранде стражу, который весьма решительно запретил кому бы то ни было выходить из дому. Негр протянул записку высокому джентльмену и попросил передать ее майору Данвуди. Тот, к кому обратился Цезарь, был полковым хирургом, и у африканца застучали зубы, когда он увидел на земле инструменты, приготовленные для будущих операций. Однако сам доктор, казалось, посмотрел на них с большим удовольствием, когда, оторвав взгляд и приказав мальчику отнести записку майору; потом он не спеша опустил глаза на раскрытую страницу и снова углубился в чтение. Цезарь медленно направился к дому, но тут третий персонаж, судя по одежде – младший чин в этом хирургическом ведомстве, сурово

спросил, “не желает ли он, чтоб ему оттяпали ногу”. Вероятно, вопрос напомнил Цезарю, для чего существуют ноги, ибо он пустил их в ход с такой прытью, что очутился у террасы одновременно с майором Данвуди, который приехал верхом. Дюжий часовой, стоявший на посту, вытянулся и, пропуская офицера, взял на караул, но едва закрылась дверь, как он повернулся к Цезарю и сурово сказал:

– Слушай, черномазый, если ты еще раз выйдешь из дома без спросу, я сделаюсь цирюльником и этой бритвой сбрею твои черные уши.

Не дожидаясь еще одного предупреждения, Цезарь быстрехонько скрылся на кухне, бормоча какие-то слова, среди которых чаще всего слышались: “живодеры”, “мятежники” и “мошенники”.

– Майор Данвуди, – обратилась Френсис к своему жениху, – возможно, я была несправедлива к вам... если мои слова показались вам резкими...

Девушка не смогла совладать со своим волнением и залилась слезами.

– Френсис, – пылко воскликнул Данвуди, – вы бываете резки и несправедливы, только когда сомневаетесь в моей любви!

– О Данвуди, – промолвила она рыдая, – вы скоро отправитесь в бой, и ваша жизнь будет в опасности, но помните, что есть сердце, счастье которого зависит от вашего благополучия. Я знаю, вы отважны, будьте же благоразумны...

– Ради вас? – восхищенно спросил молодой человек.

– Ради меня, – ответила Френсис едва слышно и упала ему на грудь.

Данвуди прижал ее к сердцу и хотел что-то сказать, но в эту минуту с южного края долины донесся трубный звук. Майор нежно поцеловал свою невесту в губы, разжал обнимавшие его руки и поспешил к месту боя.

Френсис бросилась на кушетку, спрятала голову под подушку и, натянув на лицо шаль, чтобы ничего не слышать, лежала, пока не смолкли крики сражающихся и не заглох треск ружей и топот лошадиных копыт.

Глава VII

*Стоите, вижу я, как своры гончих,
На травлю рвущиеся.*

Шекспир, “Король Генрих V”

В начале войны с восставшими колониями англичане воздерживались от применения кавалерии. Причиной тому были: отдаленность страны от метрополии, каменистая, невозделанная почва, густые леса, а также возможность быстро перебрасывать войска с одного места на другое благодаря неоспоримому господству Англии на море. В ту пору в Америку был отправлен только один полк регулярной кавалерии.

Однако в тех случаях, когда это диктовалось требованиями военного времени и командиры королевской армии считали это необходимым, конные полки и отдельные отряды формировались на месте. В них нередко вступали люди, выросшие в колониях; иногда же пополнение набиралось из линейных полков, и солдаты, отложив в сторону мушкет и штык, учились владеть саблей и карабином. Таким путем один вспомогательный полк гессенских стрелков²⁷ превратился в запасный корпус тяжелой конницы.

Против англичан выступили храбрейшие люди Америки. Кавалерийскими полками континентальной армии большей частью руководили офицеры с Юга. Патриотизм и непоколебимая отвага командиров передавались рядовым – этих людей заботливо отбирали, помня о задачах, которые им предстояло выполнить.

Пока англичане без всякой для себя пользы ограничивались тем, что занимали кое-где большие города или делали переходы через местности, где нельзя было добыть никаких военных припасов, легкая кавалерия их врага действовала на всей территории страны. Американская армия терпела беспримерные лишения, но офицеры кавалерии, чувствуя свою силу и сознавая, что они борются за правое дело, всячески старались обеспечить свои войска всем необходимым. Американская конница имела хороших лошадей, хорошую пищу и поэтому добивалась выдающихся успехов. Возможно, в то время во всем мире нельзя было сыскать армии, которая могла бы сравниться с немногочисленными, но отважными, предприимчивыми и стойкими отрядами легкой кавалерии, служившей континентальному правительству.

Солдаты майора Данвуди уже не раз проявляли свою доблесть в схватке с неприятелем; сейчас им не терпелось опять ударить по врагу, которого они почти всегда побеждали. Это желание скоро исполнилось: едва их командир успел снова сесть на коня, как, огибая подножие холма, закрывавшего долину с юга, показались враги. Через несколько минут Данвуди смог уже разглядеть их. В одном отряде он увидел зеленые мундиры ковбоев, в другом – кожаные каски и деревянные седла гессенцев. По численности они примерно равнялись воинской части, которой командовал Данвуди.

Дойдя до открытого места близ дома Гарви Бёрча, неприятель остановился; солдаты выстроились в боевом порядке, очевидно готовясь к нападению. В эту минуту в долине появилась и колонна английских пехотинцев; она двинулась к берегу речки, о которой уже упоминалось.

В решающие минуты хладнокровие и рассудительность майора Данвуди не уступали его обычной безоглядной отваге. Он тотчас же понял преимущества своего положения и не преми-

---

²⁷ Гессенские стрелки. – Большая часть немецких наемных солдат в английской армии, отправленной в Америку, была из немецкого герцогства Гессен-Касселя.

нул ими воспользоваться. Колонна, которую он вел, стала медленно отходить с поля, и молодой немец, командовавший вражеской конницей, боясь упустить возможность легкой победы, дал приказ к наступлению. Редко какие солдаты бывали такими отчаянными, как ковбои; они стремительно кинулись вперед, не сомневаясь в успехе – ведь враг отступал и в тылу стояла своя пехота; за ковбоями следовали гессенцы, но медленнее и более ровным строем. Вдруг громко и раскатисто затрубили виргинские трубы, им ответили трубачи отряда, скрывавшегося в засаде, и эта музыка поразила англичан в самое сердце. Колонна Данвуди в полном порядке, сделав крутой поворот, развернулась, а когда была дана команда к бою, из укрытия вышли солдаты капитана Лоутона; командир ехал впереди, размахивая саблей над головой, и его громкий голос заглушал пронзительные звуки труб.

Такого наступления ковбои выдержать не могли. Они рассыпались по всем направлениям и удирали с такой прытью, на какую только были способны их кони – отборные вест-честерские скакуны. Лишь немногих настигла рука врага, однако тем, кого поразило оружие их соотечественников-мстителей, не суждено было выжить, чтобы рассказать, от чьей руки они пали. Главный удар обрушился на бедных вассалов германского тирана. Злополучные гессенцы, приученные к строжайшему повиновению, храбро приняли бой, но натиск горячих коней и мощные удары противников разбросали их по доли по, подобно тому как ветер раскидывает опавшие листья. Многих растоптали в прямом смысле этого слова, и вскоре Данвуди увидел, что поле очищено от неприятеля. Близость английской пехоты помешала ему преследовать врага, и те немногие гессенцы, которым удалось уцелеть, нашли спасение за ее рядами.

Более изворотливые ковбои небольшими группами рассеялись по различным дорогам и устремились к своей старой стоянке возле Гарлема²⁸. Немало людей, которые встретились им на пути, жестоко пострадали, лишившись скота и домашнего скарба, ибо, даже удирая, ковбои приносили только беду.

Трудно было ожидать, чтобы в “Белых акациях” не заинтересовались исходом событий, разыгравшихся так близко от них. Действительно, беспокойство переполнило сердца всех обитателей дома, начиная от кухни и до гостиной. Страх и отвращение удерживали дам от наблюдения за боем, однако волновались они изрядно. Френсис все еще лежала в той же позе, горячо и бессвязно молясь за своих, соотечественников, но в глубине души она отождествляла свой народ с милым образом Пейтона Данвуди. Ее тетка и сестра были менее стойки в своих симпатиях; теперь, когда Сара своими глазами увидела ужасы войны, предвкушение победы англичан уже не доставляло ей большого удовольствия.

На кухне сидели четверо: Цезарь со своей супругой, их внучка – черная-пречерная девица лет двадцати, и мальчик, о котором уже говорилось раньше. Негры были последними из тех чернокожих, что достались мистеру Уортону вместе с усадьбой в наследство от предков по материнской линии, первых колонистов-голландцев. Остальные за эти годы вымерли. Мальчика – он был белым – мисс Пейтон взяла в дом для исполнения обязанностей ливрейного лакея.

Став под прикрытие дома, чтобы уберечься от шальной пули, Цезарь с любопытством следил за схваткой. Часовой, находившийся в нескольких шагах от него на террасе, тонким чутьем дрессированной ищейки учуял появление негра. Позиция, благоразумно занятая Цезарем, вызвала у часового презрительную усмешку; он выпрямился и с бравым видом повернулся всем телом в сторону, где шел бой. Поглядев с невыразимым презрением на Цезаря, солдат невозмутимым тоном сказал:

– Ну и дорожите же вы своей прекрасной особой, мистер Негритос!

– Пуля одинаково убивает черного, как и белого, – сердито пробормотал негр, бросив довольный взгляд на свое прикрытие.

²⁸ Гарлем – часть Манхаттана. Теперь негритянский квартал в Нью-Йорке.

– Проверить, что ли? – спросил часовой и, спокойно вытащив из-за пояса пистолет, прицелился в Цезаря.

У негра застучали зубы, когда он увидел наведенный на него пистолет, хотя он и не поверил в серьезность намерений драгуна. В эту минуту колонна Данвуди начала отходить, а королевская конница двинулась в атаку.

– Ага, мистер Кавалерист, – порывисто сказал негр, вообразив, будто американцы и в самом деле отступают, – почему ваши мятежники не дерутся?.. Видите... видите... – как солдаты короля Георга гонят майора Данвуди! Хороший джентльмен, только регулярных ему не разбить.

– Провались они, твои регулярные! – с бешенством крикнул драгун. – Потерпи минутку, черномазый, ты увидишь, как капитан Джек Лоутон выйдет из-за того холма и разгонит ковбоев, словно диких гусей, потерявших жожака.

Цезарь думал, что отряд Лоутона спрятался за холмом из тех же побуждений, какие заставили его самого укрыться за степей, но вскоре слова драгуна подтвердились, и негр с ужасом увидел, что королевская конница в беспорядке бежит.

Часовой стал громко выражать свой восторг по случаю победы виргинцев; его крики привлекли внимание другого часового, охранявшего Генри Уортона, и тот подбежал к открытому окну гостиной.

– Гляди, Том, гляди, – радостно крикнул с террасы первый часовой, – капитан Лоутон обратил в бегство кожаные колпаки, этих гессенцев! А вот майор убил лошадь под офицером... Черт подери, лучше бы он убил немца и оставил лошадь в живых!

Вдогонку за удиравшими ковбоями гремели пистолетные выстрелы, и пуля разбила оконное стекло в нескольких шагах от Цезаря. Поддавшись великому соблазну, не чуждому и нашей расе – уйти подальше от опасности, негр покинул свое ненадежное убежище и тотчас поднялся в гостиную.

Лужайка, раскинувшаяся перед “Белыми акациями”, не была видна с дороги; ее окаймлял густой кустарник, под прикрытием которого в ожидании своих всадников стояли связанные вместе лошади двух часовых.

Победители-американцы теснили отступавших немцев, пока те не оказались под защитой огня своей пехоты. В это время два ковбоя, отставшие от товарищей, ворвались в ворота “Белых акаций”, намереваясь скрыться позади дома, в лесу. Мародеры почувствовали себя на лужайке в полной безопасности и, увидев лошадей, поддались искушению, перед которым лишь немногие из них могли бы устоять – ведь был такой удобный случай поживиться скотиной. Дерзко, с решительностью, которая вырабатывается долгой привычкой, они почти одновременно бросились к желанной добыче. Ковбои усердно распутывали связанные поводья, когда часовой, стоявший на террасе, заметил их. Он выстрелил из пистолета и с саблей в руке кинулся к лошадям.

Стоило Цезарю появиться в гостиной, как стороживший Генри часовой удвоил свою бдительность и подошел к пленнику ближе, но крики товарища снова привлекли его к окну. Разразившись проклятиями, солдат перевесился через подоконник, надеясь своим воинственным видом и угрозами вспугнуть мародеров. Генри Уортон не мог устоять перед представившейся ему возможностью бежать. В миле от дома находились три сотни его товарищей, во все стороны мчались лошади без седоков, и Генри, схватив своего ничего не подозревавшего стража за ноги, выбросил его из окна на лужайку. Цезарь выскользнул из комнаты и, спустившись вниз, задвинул засов входной двери.

Солдат упал с небольшой высоты; он быстро оправился и обрушил весь гнев на пленника. Однако влезть через окно обратно в комнату, имея перед собой такого противника, как Генри, было невозможно, а когда он подбежал к входной двери, то обнаружил, что она заперта.

Его товарищ громко звал на помощь, и, забыв обо всем остальном, ошеломленный солдат бросился ему на выручку. Одна лошадь была немедленно отбита, но вторую ковбой уже успел привязать к своему седлу, и все четверо скрылись за домом, свирепо размахивая саблями и проклиная друг друга на чем свет стоит. Цезарь отпер дверь и, указывая на лошадь, которая спокойно щипала траву на лужайке, крикнул:

– Бежать... сейчас же бежать, масса Генри.

– Да, – воскликнул молодой человек, вскакивая в седло, – теперь действительно время бежать, мой друг.

Он торопливо кивнул отцу, который в безмолвной тревоге стоял у окна, протянув руки к сыну, словно благословляя его.

– Храни тебя господь, Цезарь, поцелуй сестер, – добавил Генри и с быстротой молнии вылетел за ворота.

Негр со страхом следил за ним, видел, как он выскочил на проезжую дорогу, свернул вправо и, бешено проскакав вдоль отвесной скалы, вскоре исчез за ее уступом.

Теперь Цезарь снова запер дверь и, задвинув засов за засовом, до отказа повернул ключ; все это время он разговаривал сам с собой, радуясь счастливому спасению молодого господина:

– Как ловко ездит... Цезарь сам учил его немало... Поцелуй молодую леди... мисс Фанни не позволит старому негру поцеловать свою румяную щечку.

Когда исход сражения к концу дня определился и пришло время хоронить мертвых, к их числу присоединили двух ковбоев и одного виргинца, которых нашли на лужайке за коттеджем “Белые акации”.

На счастье Генри Уортона, в минуту его побега зоркие глаза того, кто его арестовал, разглядывали в подзорную трубу колонну пехотинцев, все еще занимавших позицию на берегу реки, куда теперь в поисках дружеской защиты устремились остатки гессенской кавалерии. Генри Уортон несся на чистокровном виргинском скакуне, который мчал его через долину с быстротой ветра, и сердце юноши уже радостно билось при мысли о счастливом освобождении, как вдруг в его ушах громко прозвучал знакомый голос:

– Превосходно, капитан! Не жалейте кнута и, не доезжая до моста, поверните влево!

Генри в изумлении оглянулся и увидел своего бывшего проводника Гарви Бёрча: он сидел на крутом уступе скалы, откуда открывался широкий вид на долину. Тюк, сильно уменьшившийся в размерах, лежал у его ног; разносчик весело помахал шляпой проскакавшему мимо английскому офицеру. Генри воспользовался советом этого загадочного человека и, заметив хорошую тропу, которая вела к проезжей дороге, пересекавшей долину, свернул на нее и вскоре был уже напротив места расположения своих друзей. Через минуту он проехал по мосту и остановил лошадь возле своего старого знакомого, полковника Уэлмира.

– Капитан Уортон! – воскликнул удивленно английский офицер. – В синем сюртуке и на коне мятежников! Уж не свалились ли вы с облаков в таком виде и в таком наряде?

– Слава богу, – с трудом переводя дыхание, ответил ему молодой человек. – Я цел, невредим и вырвался из рук врагов: всего лишь пять минут назад я был пленным и мне грозила виселица.

– Виселица, капитан Уортон! О нет, эти изменники королю никогда не осмелились бы совершить второе убийство. Неужели им мало того, что они повесили Андре! А за что они грозили вам подобной участью?

– Меня обвиняют в том же преступлении, что и Андре, – ответил капитан и коротко рассказал собравшимся о том, как он попал в плен, какая опасность ему угрожала и каким образом ему удалось бежать.

К тому времени, когда Генри закончил рассказ, позади колонны пехотинцев столпились бежавшие от неприятеля немцы, и полковник Уэлмир громко крикнул:

– От всей души поздравляю вас, мой храбрый друг; милосердие – добродетель, незнакомая этим изменникам, и вам повезло вдвойне, что вы ускользнули от них целым и невредимым. Надеюсь, вы не откажетесь мне помочь, а скоро я предоставлю вам возможность с честью поквитаться с ними.

– Не думаю, полковник, что люди, которыми командует майор Данвуди, стали бы оскорбительно обращаться с пленным, – слегка покраснев, возразил молодой капитан, – его репутация выше подобных подозрений; кроме того, я считаю неблагоразумным переходить через речку на открытую равнину в виду виргинской кавалерии, еще возбужденной только что одержанной победой.

– По-вашему, разгром случайного отряда ковбоев и этих неповоротливых гессенцев – подвиг, которым можно Гордиться? – с презрительной улыбкой спросил полковник Уэлмир. – Вы так говорите об этом, капитан Уортон, словно ваш хваленый мистер Данвуди – ибо какой он майор? – разбил гвардейский полк вашего короля.

– Позвольте заметить, полковник Уэлмир, будь на этом поле гвардейский полк моего короля, он столкнулся бы с противником, с которым опасно не считаться. А мой хваленый мистер Данвуди, сэр, – кавалерийский офицер, гордость армии Вашингтона, – горячо возразил Генри.

– Данвуди! Данвуди! – с расстановкой повторил полковник. – Право же, я где-то видел этого джентльмена раньше.

– Мне говорили, что вы встретились с ним однажды в городе у моих сестер, – скрывая усмешку, сказал Генри.

– Ах да, припоминаю такого молодого человека. Неужели всемогущий конгресс этих взбунтовавшихся колоний доверяет командование подобному воину!

– Спросите командира гессенской конницы, считает ли он майора Данвуди достойным такого доверия.

Полковник Уэлмир был не лишен той гордости, которая заставляет человека отважно держаться перед лицом врага. Он давно служил в английских войсках в Америке, но сталкивался лишь с молодыми рекрутами и местными, ополченцами. Они нередко дрались, и даже храбро, но так же часто пускались наутек, не спустив курка. Этот полковник имел обыкновение судить обо всем по внешности, он не допускал и мысли, чтоб американцы могли одержать победу над людьми в таких чистых штиблетах, так мерно чеканящих шаг, умеющих с такой точностью заходить флангом. Ко всему этому они – англичане, и, значит, им всегда обеспечен успех. Уэлмиру почти не приходилось бывать в боях, не то он давно уже расстался бы с этими вывезенными из Англии понятиями – они укоренились в нем еще глубже благодаря легкомысленной обстановке гарнизонного города. С надменной улыбкой он выслушал пылкий ответ капитана Уортон и спросил:

– Неужели вы хотите, чтобы мы отступили перед этими спесивыми кавалеристами, ничем не омрачив их славы, которую вы, кажется, считаете заслуженной?

– Я хотел бы только предостеречь вас, полковник Уэлмир, об опасности, которой вы подвергаетесь.

– Опасность – неподобающее солдату слово, – с усмешкой продолжал британский полковник.

– И солдаты шестидесятого полка так же мало боятся опасности, как и те, что носят мундир королевской армии! – с запальчивостью воскликнул Генри Уортон. – Отдайте приказ к наступлению, и пусть наши действия говорят сами за себя.

– Наконец-то я узнаю своего молодого друга! – успокоительно заметил полковник Уэлмир. – Но, быть может, вы сообщите какие-нибудь подробности, которые пригодятся нам в наступлении? Вам известны силы мятежников, есть ли у них части в засаде?

– Да, – ответил молодой человек, все еще раздосадованный насмешками полковника, – на опушке леса справа от нас – небольшой отряд пехотинцев, а кавалерия – вся перед вами.

– Ну, она долго здесь не продержится! – вскричал полковник и, обращаясь к офицерам, которые его окружили, сказал:

– Джентльмены, мы перейдем через реку, выстроившись в колонну, и развернем фронт на противоположном берегу, иначе нам не удастся заставить этих храбрых янки подойти поближе к нашим мушкетам. Капитан Уортон, я рассчитываю на вашу помощь в качестве адъютанта.

Молодой капитан покачал головой – здравый смысл подсказывал ему, что это опрометчивый шаг; однако он приготовился мужественно исполнить свой долг в предстоящем испытании.

Пока происходил этот разговор – неподалеку от англичан и на виду у американцев, – майор Данвуди собрал рассеявшихся по долине солдат, велел заключить под стражу пленных и отошел на позицию, которую занимал до первого появления неприятеля. Довольный достигнутым успехом и рассчитывая, что англичане достаточно осторожны, чтобы не дать ему случай разбить сегодня их еще раз, он решил вызвать из леса пехотинцев, а затем, оставив на поле боя сильный отряд для наблюдения за неприятелем, отойти со своими солдатами на несколько миль в облюбованное им место для стоянки на ночь.

Капитан Лоутон с неодобрением слушал рассуждения своего начальника; он достал свою неизменную подзорную трубу, чтобы посмотреть, нельзя ли все-таки еще раз успешно атаковать врага, и вдруг вскрикнул:

– Что за чертовщина, синий сюртук среди красных мундиров! Клянусь Виржинией, это мой перереяженный приятель из шестидесятого полка, красавчик капитан. Уортон, – он ускользнул от двух моих лучших солдат!

Не успел он произнести эти слова, как подъехал драгун – тот, что остался в живых после стычки с ковбоями, – ведя на поводу их лошадей и свою собственную; он доложил о смерти товарища и о бегстве пленника. Так как к капитану Уортону был приставлен тот драгун, которого убили, а второго нельзя было винить за то, что он бросился спасать лошадей, порученных его охране, то капитан Лоутон выслушал его с огорчением, но не рассердился.

Это известие совершенно изменило планы майора Данвуди. Он сразу понял, что побег Уортонна может набросить тень на его собственное доброе имя. Приказ отозвать пехотинцев был отменен, и Данвуди стал наблюдать за врагом, ожидая с таким же нетерпением, как и пылкий Лоутон, малейшей возможности атаковать неприятеля.

Всего лишь два часа назад Данвуди казалось, что самый жестокий удар судьба ему нанесла, когда случай сделал Генри его пленником. Теперь он готов был поставить на карту свою жизнь, лишь бы снова задержать своего, друга. Все остальные соображения отступили перед муками уязвленного самолюбия, и, возможно, он превзошел бы капитана Лоутона в безрассудстве, если бы в это мгновение полковник Уэлмир и его солдаты не перешли мост и не вышли на открытую равнину.

– Смотрите! – в восторге крикнул капитан Лоутон, показывая пальцем на движущуюся колонну. – Джон Булл²⁹ сам идет в мышеловку!

– Так и есть! – с жаром отозвался Данвуди. – Вряд ли они развернутся на этой равнине: Уортон, наверное, предупредил их о вашей засаде. Но, если они это сделают...

–..из их войска не уцелеет и десятка солдат, – прервал его капитан Лоутон, вскочив на коня.

---

²⁹ Джон Булл (по-английски “Джон Бык”) – так насмешливо прозвал англичан писатель-сатирик Джонатан Свифт (1667–1745).

Вскоре все стало ясно: англичане, пройдя небольшое расстояние по ровному полю, развернули фронт с такой старательностью, которая сделала бы им честь во время парада в Лондонском Гайд-парке.

– Приготовиться! На коней! – крикнул майор Данвуди.

Капитан Лоутон повторил последние слова, да так зычно, что они прозвенели в ушах Цезаря, стоявшего у открытого окна в доме мистера Уортона. Негр в ужасе отскочил; он уже не думал больше, что капитан Лоутон трус, и теперь ему чудилось, что он все еще видит, как капитан вышел из засады, размахивая саблей над головой.

Англичане подходили медленно и в полном порядке, но тут американская пехота открыла сильный огонь, который начал беспокоить части королевской армии, находившиеся ближе к лесу. По совету подполковника, старого вояки, Уэлмир отдал двум ротам приказ выбить из прикрытия американских пехотинцев. Перегруппировка вызвала легкое замешательство, чем Данвуди и воспользовался для наступления. Местность была как будто нарочно выбрана для действий кавалерии, и англичане не могли отразить натиск виргинцев. Чтобы американские солдаты не попали под выстрелы своих же товарищей, спрятавшихся в засаде, удар был направлен на дальний берег роки, против леса, и атака увенчалась полным успехом. Полковник Уэлмир, сражавшийся на левом фланге, был опрокинут стремительным нападением врага. Данвуди подоспел вовремя, спас его от сабли одного из своих солдат, поднял с земли, помог сесть на коня и сдал под охрану ординарцу. Выбить пехотинцев из засады Уэлмир поручил тому самому вояке, который предложил эту операцию, и тогда опасность была бы немалой для нерегулярных американских отрядов. Но свою задачу они уже выполнили и теперь двинулись по опушке леса к лошадям, оставленным под охраной на северном крае долины.

Американцы обошли англичан слева и, ударив с тыла, на этом участке обратили их в бегство. Однако второй английский командир, следивший за ходом битвы, мгновенно повернул свой отряд и открыл сильный огонь по драгунам, которые подходили, чтобы начать атаку. В этом отряде был и Генри Уортон, вызвавшийся выбить пехотинцев из леса; раненный в левую руку, он был вынужден держать поводья правой. Когда мимо него под воинственную музыку трубачей с громкими криками проскакали драгуны, разгоряченная лошадь Генри перестала слушаться, бросилась вперед, встала на дыбы, и раненному в руку седоку не удалось справиться с ней. Через минуту Генри Уортон волей-неволей мчался рядом с капитаном Лоутоном. Драгун одним взглядом оценил смешное положение своего неожиданного спутника, но тут оба врезались в линию англичан, и он успел только крикнуть:

– Конь знает лучше, чем его седок, чье дело правое! Добро пожаловать в ряды борцов за свободу, капитан Уортон!

Как только наступление кончилось, капитан Лоутон, не теряя времени, снова взял под стражу своего пленника, а увидев, что тот ранен, приказал отвести его в тыл.

Виргинцы не больно церемонились и с отрядом королевской пехоты, которая почти целиком оказалась в их власти. Заметив, что остатки гессенцев снова отважились выйти на равнину, Данвуди пустился в погоню, быстро догнал их слабых, плохо кормленных лошадей и вскоре разбил немцев наголову.

Между тем, воспользовавшись дымом и сумятицей боя, значительной части англичан удалось зайти в тыл отряду своих соотечественников, которые, сохраняя порядок, все еще стояли цепочкой перед лесом, но вынуждены были прекратить стрельбу, боясь попасть в своих. Подошедшим было ведено растянуться второй линией под прикрытием деревьев. Тут капитан Лоутон приказал молодому офицеру, который командовал конным отрядом, стоявшим на месте недавнего сражения, ударить по уцелевшей линии англичан. Приказ был выполнен с такой же быстротой, как и отдан, но стремительность капитана помешала сделать необходимые для успеха атаки приготовления, и кавалеристы, встреченные метким огнем неприятеля, в смятении отступили. Лоутон и его молодой товарищ были сброшены с лошадей. По счастью для

виргинцев, в эту критическую минуту появился майор Данвуди. Он увидел беспорядок в рядах своего войска; у ног его и луже крови лежал Джордж Синглтон, молодой офицер, которого он любил и очень ценил; упал с лошади и капитан Лоутон. Глаза майора загорелись. Он проскакал между своим эскадроном и неприятелем, громко призывая драгун выполнить свой долг, и голос его проник им в самое сердце. Его вид и слова произвели магическое действие. Смолкли крики, солдаты быстро и точно выстроились, прозвучал сигнал к наступлению, и виргинцы под предводительством своего командира с неудержимой силой понеслись через долину. Вскоре поле боя было очищено от врагов; уцелевшие бросились искать убежища в лесу. Данвуди медленно вывел драгун из-под огня скрывавшихся за деревьями англичан и приступил к печальной обязанности подбирать убитых и раненых.

Сержант, которому было поручено доставить Генри Уортона к хирургу, торопился выполнить это распоряжение, чтобы как можно скорее вернуться на поле битвы. Они не добрались и до середины долины, как капитан заметил человека, внешность и занятие которого невольно привлекли его внимание. Лысая голова этого чудака была непокрыта, хотя из кармана бриджей торчал обильно напудренный парик. Сюртук он снял и до локтя засучил рукава сорочки; испачканные кровью одежда, руки и даже лицо изобличали его профессию; во рту у него была сигара; в правой руке он держал какие-то странные инструменты, а в левой – обгрызенное яблоко, от которого он иногда откусывал, вынимая изо рта упомянутую сигару. Он стоял, погрузившись в созерцание лежавшего перед ним бездыханного гессепца. Неподалеку, опершись на мушкеты и устремив взгляд в сторону боя, стояли трое или четверо пехотинцев; с ними рядом, судя по инструментам в руке и окровавленному платью, был помощник хирурга.

– Вот это доктор, сэр, – сухо сказал Генри Уортону его провожатый, – он мигом забинтует вам руку.

Подозвав к себе солдат, он что-то шепнул им, показывая на пленного, и вихрем понесся к своим товарищам.

Генри подошел к забавной фигуре и, увидев, что на него не обращают внимания, хотел попросить, чтобы ему оказали помощь, но тут доктор прервал молчание и заговорил сам с собой:

– Ну, теперь не сомневаюсь – этого человека убил капитан Лоутон. Я в этом так уверен, будто собственными глазами видел, как он нанес удар. Сколько раз я внушал ему, чтоб он выводил врагов из строя, но не губил их! Бессмысленное уничтожение рода человеческого жестоко; к тому же, нанося подобные удары, Лоутон делает ненужной помощь врача, а это значит, что он не уважает свет науки.

– Не найдется ли у вас свободной минутки, сэр, – обратился к доктору Генри Уортон, – чтобы уделить внимание этой пустяковой ране?

– А! – вскричал хирург, встрепенувшись, и оглядел Генри с ног до головы. – Вы откуда, с поля сражения? И много там дела, сэр?

– Много, – ответил Генри, с помощью хирурга снимая сюртук. – Тревожное время, смею вас заверить.

– Тревожное, – повторил доктор, усердно занимаясь перевязкой. – Вы очень порадовали меня, сэр: пока люди тревожатся, в них есть жизнь, а пока не угасла жизнь, есть и надежда. А вот случай, когда мое искусство бесполезно. Я только что вставил мозги в череп одному пациенту, по мне сдается, он был мертвецом раньше, чем я его видел. Занятный случай, сэр; я вам покажу – он тут недалеко, за изгородью, вместе с другими трупами, их там порядочно... Ага, пуля скользнула по кости, не раздробив ее. Вам повезло, что вами занимается опытный хирург, а не то вы могли бы лишиться руки.

– Неужели? – с некоторым беспокойством воскликнул Генри. – Я не думал, что рана настолько серьезна.

– Нет, рана не серьезна, но у вас такая подходящая для операции рука, что новичок мог бы не устоять перед искушением оттяпать ее.

– Черт возьми! – крикнул капитан. – Разве кому-нибудь может доставить удовольствие уродовать себе подобных?

– Сэр, – с важностью заметил хирург, – ампутировать руку по всем правилам науки – операция, которая доставляет удовольствие. Не думаю, чтоб молодой хирург устоял перед таким соблазном; увлеченный делом, он не стал бы обращать внимания на разные мелочи.

Разговор прервали драгуны, медленно приближавшиеся к месту своей прежней стоянки; среди них были и легко раненные солдаты, которые просили поскорей оказать им помощь.

Генри Уортон взял под конвой, и молодой человек с тяжелым сердцем снова направился к дому отца.

В этих схватках англичане потеряли около трети своей пехоты. Уцелевшие собрались в лесу. Понимая, что их позиция почти неуязвима и атаковать их бессмысленно, майор Данвуди оставил на поле сильный отряд под командованием капитана Лоутона, приказав следить за всеми передвижениями англичан и не упускать возможности нанести им урон, прежде чем они сядут на свои суда.

Майору сообщили, что другой неприятельский отряд выступил со стороны Гудзона, и он счел своим долгом быть наготове, чтобы разрушить замыслы и этих вражеских сил. Капитану Лоутону он строго-настрого запретил атаковать врага, пока для этого не представится удобный случай.

Лоутон был ранен в голову и упал с лошади, оглушенный скользнувшей по его черепу пулей; на прощанье Данвуди шутя сказал ему, что если он еще раз будет так неосторожен, то люди подумают, будто у него не все дома.

Англичане выступили налегке, без обоза, ибо должны были лишь уничтожить несколько складов с провизией, заготовленной, как полагали, для американской армии. Теперь они отходили через лес в горы и, двигаясь по тропам, недоступным для кавалерии, направились к своим судам.

Глава VIII

*Пожар пылал и меч сверкал,
Так длилось много дней,
И дети в пламени войны
Теряли матерей.
Потеря близких, мор и беды —
Вот какова цена победы*

Сауты

Гул сражения не достигал больше ушей встревоженных обитателей дома мистера Уортона. Наступила томительная тишина. Френсис, в одиночестве у себя в комнате, все еще старалась не слушать шума и тщетно призывала к себе свое мужество, чтобы пойти узнать об ужасавшем ее исходе битвы. Луг, на котором виргинцы атаковали вражескую пехоту, был расположен не дальше чем в миле от “Белых акаций”, и, когда замолкали мушкетные выстрелы, оттуда доносились крики сражавшихся. Когда Генри удалось бежать, мистер Уортон прошел в комнату, где укрывались его свояченица и старшая дочь, и все трое с трепетом стали ждать вестей. Наконец, не в силах больше выносить мучительную неизвестность, Френсис присоединилась к своим близким; вскоре они послали Цезаря узнать, что творится за пределами дома и чьи победные знамена развеваются над лугом. Отец коротко рассказал изумленным дочерям и мисс Пейтон, при каких обстоятельствах бежал Генри. Не успели они опомниться от удивления, как открылась дверь, и сам Генри вошел в комнату; его сопровождали два солдата, а следом за ними появился и Цезарь.

– Генри... сын мой, сын мой! – вскрикнул, протягивая руки, потрясенный отец, не в состоянии подняться с места от волнения. – Что я вижу! Ты снова в плену... твоя жизнь в опасности?

– Мятежникам посчастливилось больше, чем нам, – ответил молодой человек, сияясь улыбнуться. – Я храбро бился за свою свободу, но преступный дух мятежа вселился даже в коней: лошадь, на которой я ехал, против моей воли – могу вас в этом заверить – понесла меня в самую гущу солдат Данвуди.

– И тебя опять задержали? – спросил отец, испуганно взглянув на вооруженных спутников сына.

– Именно так. Мистер Лоутон, который так далеко видит, тотчас же задержал меня.

– А почему не вы его, масса Генри? – с досадой вскрикнул Цезарь.

– Это легче сказать, чем сделать, – улыбаясь, ответил молодой капитан, – тем более, – добавил он, посмотрев на часовых, – что эти джентльмены постарались лишить меня возможности пользоваться правой рукой.

– Ты ранен! – в один голос воскликнули встревоженные сестры.

– Всего лишь царапина, – успокоительно сказал брат и в доказательство своих слов вытянул раненую руку – но в самую критическую минуту она подвела меня.

Цезарь бросил негодующий взгляд на солдат, словно именно они были повинны в этом, и вышел из комнаты. Капитан в нескольких словах рассказал все, что знал о событиях злополучного дня. По его мнению, исход дела еще не был решен, ибо, когда его увели с поля боя, виргинцы отступали.

– Они заманивали белку, – неожиданно вмешался один из стражей, – и не забыли оставить славного пса, чтоб он схватил зверька, когда тот спустится с дерева.

– Да, – резко добавил его товарищ, – капитан Лоутон пересчитает носы уцелевшим, прежде чем они доберутся до своих вельботов.

Во время этого разговора Френсис стояла, держась за спинку стула; замирая от страха, она ловила каждое слово и то бледнела, то краснела; ноги у нее подкашивались. Наконец, сделав отчаянное усилие, она спросила:

– Кто-нибудь из офицеров ранен... с той или другой стороны?

– Да, – грубовато ответил часовой. – Молодые южане так горячатся в бою, что редко кого-нибудь из них не сшибают. Один раненый сказал мне, будто капитан Синглтон убит, а майор Данвуди...

Больше Френсис ничего не слышала: потеряв сознание, она упала на стул, стоявший у нее за спиной. Заботы родных помогли ей прийти в себя, а капитан встревоженно спросил:

– Но ведь майор Данвуди не ранен?

– За него можно не беспокоиться, – ответил часовой, не обращая внимания на волнение семейства Уортон. – “Кому суждено быть повешенным, тот не утонет”, как говорится; если бы пуля могла попасть в майора Данвуди, его давно бы уже не было на свете. Я хотел сказать, что майора ужасно огорчила смерть капитана Синглтона. Знай я, что леди так интересуется майором, я говорил бы осторожнее...

Френсис живо вскочила с места; щеки ее пылали от смущения, и, опираясь на руку тетки, она уже собиралась покинуть комнату, как вдруг появился сам Данвуди. В первую минуту взволнованная девушка ощутила безграничную радость, но тут же отступила назад, испуганная незнакомым ей выражением лица майора. Суровость боя оставила тень на его чертах, глаза смотрели сосредоточенно и строго, нежная улыбка, озарявшая при встрече с невестой его смуглое лицо, сменилась мрачной озабоченностью. Казалось, его душой владело одно всепоглощающее чувство. Он сразу же приступил к делу.

– Мистер Уортон, – начал он очень серьезно, – в такое время не к месту излишние церемонии. Боюсь, что один из моих офицеров смертельно ранен, и, рассчитывая на ваше гостеприимство, мы принесли его в ваш дом.

– Я счастлив, сэр, что вы это сделали, – сказал мистер Уортон, сразу уразумев, как для него важно расположить к себе американцев. – Нуждающиеся в моей помощи всегда желанные гости в моем доме, а друг майора Данвуди – вдвойне.

– Благодарю вас, сэр, – ответил Данвуди поспешно, – и за себя и за того, кто не в силах сам поблагодарить вас. С вашего разрешения, мы тотчас же отнесем раненого в комнату, там врач его осмотрит и скажет свое мнение о его состоянии.

Так и было сделано. У Френсис болезненно сжалось сердце, когда ее жених вышел, ни разу не взглянув на нее.

В женской любви есть преданность, не терпящая соперничества. Вся нежность души и вся сила воображения подчинены этой тиранической страсти; а если отдаешь себя целиком, то ждешь взамен того же. Френсис провела долгие мучительные часы, терзаясь беспокойством за Данвуди, а теперь он встретил ее без улыбки, расстался без слова приветия. Пылкость ее чувств не ослабела, но надежда поколебалась. Когда мимо Френсис пронесли почти бездыханное тело друга Данвуди, девушка бросила взгляд на того, кто, казалось, отнял у нее любовь.

Она увидела мертвенно-бледное лицо, услышала затрудненное дыхание, и образ смерти мелькнул перед нею в самом страшном ее обличье. Данвуди шел подле Синглтона. Держа его за руку, он строго наказывал людям, несшим раненого, двигаться с осторожностью; словом, проявлял заботливость, на какую в таких случаях способна только нежная дружба. Отвернув голову в сторону, Френсис неслышно прошла вперед и растворила перед ними дверь. Девушка решила поднять свои кроткие голубые глаза на лицо майора лишь тогда, когда, пройдя мимо, он коснулся ее платья; но он не ответил на ее взгляд, и Френсис, невольно вздохнув, направилась к себе в спальню, чтобы побыть одной.

Капитан Уортон дал слово своим караульным не делать больше попыток к бегству; потом, чтобы помочь отцу, он взял на себя обязанности хозяина дома. Выйдя в коридор, он встретил хирурга, так ловко перевязавшего ему руку; тот направлялся в комнату раненого офицера.

– А! – воскликнул ученик Эскулапа³⁰. – Я вижу, вы чувствуете себя неплохо... Но погодите, нет ли у вас булавки? Впрочем, не надо, у меня есть своя. Не простудите рану, а не то кому-нибудь из моих юнцов придется возиться с вами.

– Упаси бог! – пробормотал капитан, старательно поправляя свою повязку.

В эту минуту на пороге показался Данвуди и громким голосом нетерпеливо крикнул:

– Скорей, Ситгривс, скорее! Этак Джордж Синглтон истечет кровью.

– Как, Синглтон? Господи помилуй! Так это Джордж... бедный маленький Джордж! – с искренним волнением воскликнул доктор и поспешил к постели больного. – Слава богу, он жив, а если не угасла жизнь, есть и надежда. Это первый пациент с серьезным ранением за нынешний день, которого мне принесли не убитым. Капитан Лоутон учит своих солдат наносить такие бесцеремонные удары. Бедняга Джордж... Черт возьми, это же мушкетная пуля!

Юный страдалец, взглянув на жреца науки со слабой улыбкой, попытался протянуть ему руку. В его взгляде и жесте была мольба, глубоко тронувшая хирурга. Он снял очки, чтобы вытереть наворачившиеся на глаза непривычные слезы, и со всей серьезностью приступил к своим обязанностям врача. Однако, пока делались необходимые приготовления, он дал волю своим чувствам и вес время бормотал:

– Если только ранила пуля, я никогда не теряю надежды; можно рассчитывать, что рана не смертельна, но бог ты мой, солдаты Лоутона рубят почем зря направо и налево... Как часто они рассекают то шейную, то сонную артерию, а то и вовсе бьют по голове и выпускают мозги; а все эти раны так плохо поддаются лечению... Чаще всего пациент умирает прежде, чем успеешь за него взяться. Мне только один раз удалось приладить мозги на место, а сегодня я три раза пытался это сделать, и все без толку. Сразу видно, когда в бою сражались солдаты Лоутона: они рубят почем зря.

Друзья капитана Синглтона, собравшиеся у его по стели, так привыкли к повадкам своего хирурга, что и обращали внимания на его монологи и не отвечали на них; они терпеливо ждали минуты, когда он приступит к осмотру больного. Данвуди смотрел в лицо врача так, словно хотел проникнуть ему в душу. Больной содрогнулся, когда ему ввели зонд, а физиономия хирурга расплылась в улыбке.

– На этом участке прежде не было ранения... – пробормотал он.

Сняв очки и отбросив в сторону парик, Ситгривс весь ушел в работу. Данвуди стоял в напряженном молчании, держа обеими руками руку страдальца и не сводя глаз с доктора. Наконец Синглтон слабо застонал, и хирург, быстро выпрямившись, громко сказал:

– Да, немалое удовольствие проследить за пулей, которая, так сказать, прошла зигзагами через человеческое тело, не повредив ни одного важного для жизни органа; но, когда солдаты капитана Лоутона...

– Скажите, – прервал его Данвуди, – есть ли какая-нибудь надежда? Вы можете найти пулю?

– Проще простого найти то, что держишь в руке, майор Данвуди, – невозмутимо ответил хирург, готовя перевязку. – Она прошла, как выразился бы этот грамотей капитан Лоутон, кружным путем, а вот его солдаты рубят саблями наотмашь, хоть я обучал его сотням способов наносить удары по науке. Сегодня, например, я видел лошадь с почти отрубленной головой.

– Это моя работа, – сказал Данвуди, – я убил эту лошадь. – Его щеки опять порозовели, и темные глаза заблестали надеждой.

---

³⁰ Эскулап (римск. миф.) – бог врачебного искусства.

– Вы! – воскликнул хирург, в изумлении выронив бинт. – Вы! Но ведь вы же знали, что это лошадь.

– Подозревал, не отрицаю, – с улыбкой отозвался майор, поднося питье к губам своего больного друга.

– Такие удары, нанесенные человеку, смертельны, – продолжал доктор, занимаясь своим делом, – они сводят на нет пользу, которую приносит нам свет науки, и бессмысленны в битве – ведь требуется всего-навсего вывести врага из строя. Сколько раз, майор Данвуди, просиживал я в ожидании, пока капитан Лоутон сражался, но мои надежды никогда не оправдывались – не было ни единого случая, достойного упоминания: или жалкие царапины, или убитые; сабля – мрачное оружие в неопытных руках! Да, майор Данвуди, немало часов я загубил, стараясь толковать сию истину капитану Джону Лоутону.

Нетерпеливый Данвуди молча показал на раненого, и хирург стал работать быстрее.

– Ах, бедняга Джордж, такой трудный случай, но...

Его прервал вестовой, доложивший, что присутствие командира необходимо на поле битвы. Данвуди пожал руку своему другу и, отойдя от кровати, знаком позвал к себе доктора.

– Как вы полагаете, – спросил он шепотом, когда они вдвоем направились к выходу, – он будет жить?

– Будет!

– Слава богу! – воскликнул молодой человек и поспешил вниз.

Он зашел на минуту в гостиную, где, как обычно, собралось все семейство Уортон. Теперь лицо майора сияло улыбкой, и он сердечно, хотя и торопливо поздоровался со всеми. Бегство и возвращение капитана Уортон не привлекли его внимания; казалось, он считал, что капитан и не уходил оттуда, где они расстались перед боем. На поле сражения они не встретились. Английский офицер гордо отошел к окну и ни словом не прерывал Данвуди.

После всех переживаний этого бурного дня Френсис и Сара очень устали; обе они молчали, а беседу поддерживала лишь мисс Пейтон.

– Есть ли надежда, кузен, что ваш друг выживет? – спросила она и, приветливо улыбаясь, подошла к своему родственнику.

– Конечно, есть, конечно, дорогая мисс Пейтон! – с радостью ответил майор. – Ситгривс сказал, что рана не смертельна, а он никогда меня не обманывал!

– Это известие радует меня не меньше, чем вас, – человек, который дорог вам, майор Данвуди, не может не вызывать теплых чувств в сердцах ваших друзей.

– Добавьте – так заслуженно дорог, – горячо сказал молодой человек. – Синглтон – добрый гений нашего полка, его любят все; он такой мягкий, справедливый, благородный, кроткий, как ягненок, и нежный, как голубка... однако на поле битвы Синглтон превращается в льва.

– Вы говорите о нем, как о возлюбленной, майор Данвуди, – улыбаясь, заметила мисс Пейтон и бросила взгляд на младшую племянницу, которая, побледнев, сидела в углу, прислушиваясь к разговору.

– Я и вправду люблю его, как невесту! – пылко воскликнул взволнованный майор. – Но он нуждается в заботе и покое, теперь все зависит от ухода за ним.

– Поверьте, сэр, – с достоинством сказала мисс Пейтон, – под этой крышей у него ни в чем не будет недостатка.

– Извините меня, дорогая мисс Пейтон, – вы – сама доброта, но Синглтону сейчас нужна забота, которая многим мужчинам могла бы показаться докучливой. В такие трудные минуты и так тяжело страдая, воин порой нуждается в женской нежности.

При этих словах он взглянул на Френсис с таким выражением, что у нее опять сжалось сердце. Вспыхнув, она поднялась со стула и сказала:

– Все внимание, какое возможно оказать человеку постороннему, будет оказано вашему другу.

– Ах, – покачав головой, воскликнул майор, – холодное “постороннему” убьет его! Ему нужно ежеминутно облегчать страдания, ходить за ним нежно и любовно.

– Это обязанности жены или сестры.

– Сестры! – повторил Данвуди, и кровь бросилась ему в лицо. – Да, сестры! У него есть сестра; она могла бы появиться здесь завтра с восходом солнца... – Он замолчал, задумался, с беспокойством посмотрел на Френсис, потом тихо добавил:

– Это необходимо Синглтону, и это должно быть сделано.

Женщины не без удивления заметили, что выражение лица майора изменилось. Наконец мисс Пейтон сказала:

– Если сестра капитана Синглтона от нас неподалеку, то я и мои племянницы охотно приглашаем ее приехать.

– Так надо, иначе поступить нельзя, – сказал Данвуди с нерешительностью, которая не вязалась с тоном, каким он только что говорил. – Нужно послать за ней сегодня же вечером.

Словно желая переменить тему, он подошел к капитану Уортону и тихо промолвил:

– Генри Уортон, честь для меня дороже жизни, но я знаю, мне нечего беспокоиться, раз она в ваших руках! Оставайтесь здесь без охраны, пока мы не уйдем из Вест-Честера, а это произойдет через несколько дней.

Отчужденность в поведении молодого Уортона исчезла, и, взяв протянутую Данвуди руку, он с теплотой ответил:

– Я не обману ваше великодушное доверие, Пейтон, даже если буду уверен, что ваш Вашингтон повесит меня, как повесил Андре.

– Генри, Генри Уортон, – с укором сказал Данвуди, – вы плохо знаете человека, который командует нашей армией, иначе не бросили бы ему такого упрека! Но меня призывают мои обязанности, и я должен покинуть дом, где мне хотелось бы остаться и где вы не можете чувствовать себя очень несчастным.

Пройдя мимо Френсис, Данвуди, как бывало, взглянул на нее с нежной улыбкой, и ужасное впечатление, произведенное на нее женихом, когда он вернулся с поля битвы, несколько сгладилось.

В числе ветеранов, которые в это тревожное время, позабыв о своем стариковском покое, стали на защиту родины, был и полковник Синглтон. Он родился в Джорджии и с ранних лет нес солдатскую службу. Как только началась война за свободу, он предложил родной стране свои услуги; из уважения к нему они были приняты. Однако преклонный возраст и слабое здоровье мешали старику участвовать в сражениях, и ему поручали важные посты, на которых он мог верно и бдительно служить своим соотечественникам, не подвергаясь тяготам военных походов. В последний год ему была доверена охрана дорог, ведущих в нагорье; сейчас он вместе с дочерью находился в горах, на расстоянии однодневного перехода от места, где Данвуди сражался с неприятелем. Раненый офицер, о котором мы упоминали, был единственным сыном полковника. Вот к нему-то и собирался Данвуди послать вестового с грустным известием о ранении молодого капитана и с приглашением от семейства Уортон, на которое мисс Синглтон, конечно, должна была отозваться и не мешкая приехать ухаживать за братом.

Майор Данвуди выполнил эту обязанность, но с большой неохотой: казалось, его тревога и смущение еще усилились. Он отправился в поле, где стояли его отряды, – за деревьями уже было видно, как остатки английского войска в полном порядке и с большой осторожностью отступают по горному кряжу к своим судам. Отряд драгун под командованием капитана Лоутона держался неподалеку от их фланга, нетерпеливо выжидая удобного случая, чтобы нанести удар. Вскоре и американцы и англичане исчезли из виду.

На небольшом расстоянии от “Белых акаций” лежала деревушка, где скрещивалось несколько дорог и откуда поэтому было удобно разъезжать по окрестностям. Здесь не раз располагалась на постой американская кавалерия, а во время разъездов по долине – и легкие конные отряды.

Майор Данвуди первый оценил преимущества этой стоянки, и сейчас, когда нужно было задержаться в Вест-Честере до получения приказа от командования, он, конечно, не забыл о ней. Сюда было велено отойти солдатам, взяв с собой раненых; уже приступили и к печальной обязанности хоронить убитых. Распоряжался всеми этими делами наш молодой воин, как вдруг новое обстоятельство привело его в смущение. На поле битвы он увидел полковника Уэлмира, который сидел в одиночестве, задумавшись о своих зловключениях; его размышления прерывались лишь учтивыми приветствиями проходивших мимо американских офицеров. Данвуди, обеспокоенный раной своего друга, ни разу не вспомнил о полковнике и теперь, подойдя к нему, извинился за то, что о нем еще не позаботились. Англичанин холодно выслушал вежливые слова Данвуди и пожаловался на ушибы, полученные будто бы тогда, когда его лошадь, случайно споткнувшись, упала. Данвуди, видевший, как один из его драгун довольно бесцеремонно сбросил с лошади полковника, с легкой улыбкой предложил ему врачебную помощь, а так как хирург находился в “Белых акациях”, оба туда и направились.

– Полковник Уэлмир! – воскликнул с изумлением молодой Уортон, когда они вошли в дом. – Значит, судьба обошлась жестоко и с вами! Но мы рады вам, хотя было бы куда приятнее, если бы наша встреча произошла при более счастливых обстоятельствах.

Мистер Уортон принял новых гостей со свойственной ему настороженностью, и Данвуди тут же ушел навестить своего друга. Больной, по-видимому, чувствовал себя лучше, и майор сообщил врачу, что в комнате внизу другой раненый дожидается его искусства. Этих слов было достаточно, чтобы доктор оживился; схватив свои инструменты, он поторопился к новому пациенту. В дверях гостиной он столкнулся с выходившими оттуда дамами. Мисс Пейтон на минуту остановила его, чтобы справиться о здоровье капитана Синглтона, а Френсис, взглянув на забавную фигуру лысого эскулапа, улыбнулась своей прежней лукавой улыбкой; не обратила на него внимания лишь Сара, слишком взволнованная неожиданной встречей с британским офицером. Читатель уже знает, что полковник Уэлмир был старым знакомым семейства Уортон, однако Сара давно уехала из Нью-Йорка, и этот джентльмен почти забыл о ней; ее же воспоминания были гораздо живее. В жизни каждой женщины приходит пора, когда ее сердце, как говорится, созрело для любви; в этом блаженном возрасте детство отступает перед расцветом молодости, наивное сердце бьется, предвкушая радости, которым не дано сбыться, а воображение рисует идеальные образы, подсказанные собственными, ничем не омраченными грезами. Сара покинула город именно в этом счастливом возрасте и увезла с собой картину будущего, правда еще туманную, однако в уединении “Белых акаций” эта картина обрела более яркие краски, и на ее переднем плане поместился полковник Уэлмир. Неожиданность встречи поразила девушку; а когда полковник всем поклонился, она, повинуясь знаку своей наблюдательной тетушки, поднялась и вышла из комнаты.

– Значит, сэр, – заметила мисс Пейтон, выслушав отчет хирурга о здоровье его молодого пациента, – мы можем надеяться, что он поправится?

– Несомненно, сударыня, – ответил доктор, стараясь из уважения к дамам водворить на голову свой парик, – при заботливом и хорошем уходе – несомненно.

– Об этом можете не беспокоиться, – с сердечностью сказала мисс Пейтон. – Все, что у нас есть, – в его полном распоряжении, кроме того, майор Данвуди послал за сестрой больного.

– За его сестрой! – повторил доктор, и взгляд его стал многозначительным. – Ну, если майор послал за ней, значит она приедет.

– Ведь ее брат опасно ранен, как же ей не приехать!

– Конечно, сударыня, – коротко ответил доктор и с, низким поклоном посторонился, чтобы пропустить дам.

Слова и тон Ситгривса не остались незамеченными младшей из сестер – она была вся внимание, когда при ней называли имя Данвуди.

– Сэр, – крикнул хирург, войдя в гостиную и обращаясь к единственному находившемуся там человеку в красном мундире, – мне сказали, что вы нуждаетесь в моей помощи. Слава богу, что не капитан Лоутон был вашим противником, а не то вам уже не нужна была бы никакая помощь.

– Очевидно, произошла ошибка, – высокомерно сказал Уэлмир, – майор Данвуди хотел прислать мне хирурга, а не какую-то старую бабу.

– Это доктор Ситгривс, – поспешил вставить Генри Уортон, с трудом сдерживая смех. – Многочисленные обязанности помешали ему сегодня позаботиться о своем костюме.

– Прошу прощения, сэр, – сказал полковник, неуклюже стаскивая с себя мундир и показывая свою, как он выразился, раненую руку.

– Сэр, – сухо заметил Ситгривс, – если диплом Эдинбургского университета, практика в ваших лондонских госпиталях, ампутация нескольких сот рук и ног, всевозможные операции, осененные светом науки, а также чистая совесть и полномочия Континентального конгресса могут сделать человека хирургом, то хирург к вашим услугам.

– Прошу прощения, сэр, – церемонно повторил полковник, – капитан Уортон уже указал мне на мою ошибку.

– За что приношу капитану Уортону благодарность, – сказал доктор и начал раскладывать свои инструменты с невозмутимостью, от которой полковнику стало холодно.

– В какое место вы ранены, сэр?.. Всего только эта пустяковая царапина на плече! Каким образом вас ранили?

– Мятежный драгун ударил меня саблей, – с надменным видом ответил полковник.

– Не может быть! Даже прикосновение сабли кроткого Джорджа Синглтона не оказалось бы таким безобидным. – Ситгривс достал из кармана кусочек пластыря и залепил ранку на плече офицера. – Вот и все. Этого достаточно для вашей цели, сэр; уверен, что больше от меня ничего не потребуется.

– Какова же, по-вашему, моя цель, сэр?

– Отправить депешу, чтоб вас занесли в списки раненых, – спокойно ответил доктор, – и можете добавить, что перевязала вам раны старая баба – любая старуха вполне справилась бы с этим!

– Удивительно странная манера разговаривать! – пробормотал полковник.

Тут вмешался капитан Уортон. Он объяснил доктору, что полковник Уэлмир неудачно выразился, потому что был рассержен и страдал от боли. Капитану отчасти удалось умягчить оскорбленного хирурга, и тот в конце концов согласился продолжить осмотр раненого, у которого оказались лишь ссадины от падения. Ситгривс быстро залепил их пластырем и исчез.

Отдохнув и собравшись с силами, кавалеристы начали готовиться к отходу на намеченную позицию, а капитан Данвуди занялся размещением пленных. Ситгривса он решил оставить в доме мистера Уортона для наблюдения за Синглтоном. Генри попросил также позволения оставить в “Белых акациях” под честное слово и полковника Уэлмира. Данвуди охотно согласился, а так как остальные пленные были простыми солдатами, их, не мешкая, собрали и под сильным конвоем отправили в тыл. Вскоре тронулись в путь и драгуны. Пехотинцы разделились на небольшие группы и в сопровождении конных патрулей рассыпались по всей окрестности, чтобы образовать цепь от вод Зунда до Гудзона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.